

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

международный научный журнал

2
2022

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№2 (35) / 2022

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Кудинов М.А. История развития отечественного законодательства об интеллектуальных правах.....	1
--	---

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Джафаров К.Ю. Полномочные представители Президента РФ в федеральных округах как структурные подразделения Администрации главы государства	4
--	---

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Кудинов М.А. К вопросу об интеллектуальных правах на произведения, созданные искусственным интеллектом.....	7
--	---

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Троицкий А.С. О совершенствовании накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих	10
--	----

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Демин Е.В. Отдельные аспекты введения процедуры финансового оздоровления крестьянского (фермерского) хозяйства	12
---	----

Передера А.А. Некоторые проблемные аспекты регулирования несостоятельности (банкротства) умершего гражданина.....	14
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Олимпиева С.В. Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере электрозаправочных станций.....	17
--	----

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Посиделова Ю.Г., Чушенко Д.Н. Разумный срок судопроизводства: понятие и значение.....	19
--	----

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Палкин Д.С.

Ретроспективный анализ лицензирования деятельности арбитражных управляющих в России 22

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Сидоренко Т.И.

Эвтаназия в правовом поле Российской Федерации..... 26

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Galimov I.I.

International legal agreements as a way to attract foreign capital..... 28

Карсаев К.И.

Практика применения «права ВТО» в некоторых государствах — членах ВТО 30

Карсаев К.И.

Проблематика соотношения права ВТО и права ЕАЭС 31

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

История развития отечественного законодательства об интеллектуальных правах

Кудинов Максим Александрович, юрист (г. Тольятти)

Статья посвящена анализу особенностей развития отечественного законодательства об интеллектуальных правах. Рассмотрены наиболее значимые акты, регулирующие авторские и интеллектуальные права, в период Российской империи («Манифест о привилегиях» 1812 года, закон «Об авторском праве» 1911 года), СССР (Постановление СНК «Об основах авторского права» 1925 года, «Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик» 1961 года и др.) и посткоммунистической России (Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» 1993 года и др.) — вплоть до принятия четвертой части ГК РФ.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальные права, история, Российская Федерация, Российская империя, смежные права, СССР.

Развитие отечественного законодательства об интеллектуальных правах происходило относительно поздно. К периоду, когда в России только принимались первые акты, так или иначе регламентирующие использование интеллектуальных прав, в большинстве европейских стран и в США защита авторского права осуществлялась уже более или менее системно.

Так, определенные зачатки законодательства об интеллектуальных правах можно увидеть уже в законодательстве Венецианской республики («Статут» 1474 года, в котором впервые появляется термин «патент»). Развитие законодательных подходов к интеллектуальной собственности можно увидеть в английском законе «О монополиях (1628)» и в английском же «Статуте королевы Анны» (1710), который стал первым кодифицированным документом, закрепившим личное право автора на охрану собственного уже опубликованного произведения. В дальнейшем, в промышленно-развитых странах Европы и в США происходит активное становление патентного права, которое и стало основой для дальнейшего развития законодательства об интеллектуальных правах в целом, которое потом распространилось и за пределы Европы и Нового света.

Если говорить о России, то большинство исследователей вопроса начало истории законодательства об интеллектуальных правах относят к началу XIX века [1, с. 91]. Однако, это мнение не единодушно.

Так, Е. Е. Кирсанова, например, с этим подходом не согласна и отмечает, что еще в 1551 году на Стоглавом Соборе в Главе 28 «О книжных писцах» [16] были закреплены «великие запрещения» установившие «безвозмездные изъятия книг, переписанных с нарушением аутентичности оригинальных произведений, в дальнейшем также предпринимались попытки защиты пере-

водных произведений от искажений и неточностей» [4, с. 41]. Впрочем, говорить о том, что этот акт установил хоть какую-либо систему защиты интеллектуальных прав, все же не приходится.

Впервые нормы, так или иначе регламентирующие использование интеллектуальных прав, были закреплены в «Манифесте о привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» от 17 июня 1812 года. Этим манифестом было установлено, что получивший «привилегию» автор «может в уреченное привилегией время пользоваться изобретением или открытием, яко неотъемлемой и исключительной его собственностью, и вследствие того» [6].

Однако, при этом, этот акт не содержал многих положений, характерных для законодательств развитых буржуазных государств того времени (в частности, не предусматривал экспертизы на патентоспособность, а сам порядок получения «привилегии» был очень затруднен).

Следующим важным актом был «Цензурный устав» 1828 года [18], который содержал в себе значимые нормы «авторского права». Он распространялся на литературные произведения и защищал права авторов и издателей. До принятия этого Устава книгоиздание являлось государственной монополией. Однако «без соблюдения цензурных правил, охраняемые меры к произведению автора не применялись» [15, с. 115]. В дальнейшем, в тридцатых и сороковых годах XIX века был издан ряд актов о праве собственности литературной, музыкальной и художественной на тех же цензурных условиях [5, с. 50].

В 1877 года соответствующие положения были кодифицированы и «перенесены в Свод законов Российской империи с рядом правок, коснувшихся вопросов доказывания, а также признания за новыми объектами (на-

пример, публичными выступлениями и частными дневниками) статуса объектов авторских прав» [4, с. 39].

Следующий этап развития отечественного законодательства об интеллектуальных правах приходится на начало XX века, когда в 1911 году был подготовлен и принят закон «Об авторском праве» [3], который существенно расширил сферу действия авторских прав, отличался развитой законодательной техникой и соответствовал лучшим мировым аналогам того времени.

Однако судьба закона 1911 года была недолгой и была предрешена событиями Октябрьской революции 1917, после которого он был отменен и начинает формироваться советская модель права интеллектуальной собственности, для которой было характерно фактическое непризнание частной интеллектуальной собственности.

Принятые после Октябрьской революции Декреты ЦИК от 29 декабря 1917 г. [8] и СНК от 26 ноября 1918 г. [9] отменили существовавшие ранее законы относительно прав на интеллектуальную собственность, установили для произведений статус «государственного достояния». В дальнейшем, политика по национализации объектов интеллектуального права только усиливалась — вплоть до 1924 года. Тогда на уровне Советского правительства было признано, что тотальная национализация объектов интеллектуальных прав не в полной мере оправдала себя и, в условиях НЭПа была признана излишней. Как следствие положение в законодательном регулировании интеллектуальных прав постепенно меняется.

В частности — с 1924 года начинается период признания авторских прав с большими оговорками и ограничениями. В частности, Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 12 сентября 1924 г. [7] снова ввело (впрочем, всего на несколько лет — до 1931 года) в СССР патентную охрану изобретений. В 1925 году в СССР был принят еще один очень значимый нормативный акт — Постановление СНК СССР от 30.01.1925 года «Об основах авторского права» [12].

В этом акте, авторские права были названы «исключительными», однако сводились к личным неимущественным правам авторов — физических лиц и к их праву на получение вознаграждения за использование произведения. Такой подход к авторским правам как подчеркивает А. С. Фалалеев, «сохранился вплоть до конца 80-х годов» [17, с. 162].

При этом даже в принятых в совершенно новых условиях и более чем на тридцать лет позже «Основах гражданского законодательства СССР и союзных республик» [13] 1961 года (в которых отдельным разделом были выделены права авторов) этот подход был сохранен. Законодатель, также отказывается от закрепления «исключительного» характера прав авторов.

Перестройка, начавшаяся в СССР в 1985 году, качественно изменила общественные отношения, свя-

занные с регулированием интеллектуальных прав в отечественном законодательстве. В частности, понятию интеллектуальной собственности впервые в отечественном праве было дано законодательное закрепление — в Законе «О собственности в РСФСР» [10] в 1990 году. Этим же законом к объектам права собственности были отнесены «предметы духовной культуры», «продукты интеллектуального и творческого труда», а также было закреплено понятие объекта интеллектуальной собственности.

Развитие законодательного регулирования интеллектуальных прав в качественно новых условиях можно увидеть в тексте «Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик» 1991 года [14], в которых, впервые с начала 1960-х годов, вновь были выделены исключительные права авторов.

В 1993 году был принят Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» [11], который окончательно направил законодательство об интеллектуальных правах в русло рыночных отношений. В нем, на основе глубокого анализа опыта зарубежных стран и международных соглашений была «сформирована система новых объектов, подлежащих защите, фиксировались права авторов, в том числе на распоряжение, а также формировалась иерархия нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы интеллектуальной собственности» [4, с. 41].

Именно этот закон регулировал рассматриваемые отношения вплоть до 2008 года, когда вступила в силу часть IV Гражданского кодекса РФ [2]. Соответственно, с этой даты прекратил действие Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» и начинается современный этап законодательного регулирования интеллектуальных прав в России.

Таким образом, история развития отечественного законодательства об интеллектуальных правах насчитывает более 200 лет. За этот период отечественные законодатели разных исторических эпох по-разному подходили к регулированию интеллектуальных прав. В Российской империи, за столетие, прошедшее между принятием «Манифеста о привилегиях» 1812 года и законом «Об авторском праве» 1911 года подходы к авторским и интеллектуальным правам были систематизированы и закреплены на уровне лучших зарубежных аналогов. Впрочем, во многом революционный закон 1911 года действовал всего несколько лет (до 1917 года). В советских реалиях подходы к интеллектуальному праву были пересмотрены. Все права автора, по сути, сводились к личным неимущественным правам и к праву на получение вознаграждения за использование произведения. Такое положение было преобладающим вплоть до 1990-х годов. Перестройка и распад СССР вновь вернули (после более чем 70-летнего перерыва) законодательство об интеллектуальных правах в русло рыночных отношений.

Литература:

1. Алиев, С.З. Эволюция российского законодательства, регламентирующего отношения в сфере интеллектуальной собственности / С.З. Алиев. — Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2013. — № 3. — С. 91–96.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2021) — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 25.12.2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.
3. Закон «Об авторском праве». Одобрен Государственной Думой и Государственным Советом и Высочайше утвержден 20 марта 1911 год. — Текст: непосредственный // Известия Министерства иностранных дел. Книга 1. — Санкт-Петербург: 1912. — С. 49–64 [Утратил силу]
4. Кирсанова, Е.Е. История становления законодательства об интеллектуальной собственности в отечественной правовой системе / Е.Е. Кирсанова. — Текст: непосредственный // Юридическая наука. — 2020. — № 5. — С. 38–41.
5. Макаров, Т.Г. Обеспечение прав авторов литературных произведений: монография / Т.Г. Макаров. — Москва: Инфра-М, 2019. — 85 с. — Текст: непосредственный.
6. Манифест от 17 июня 1812 г. «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах». — Текст: непосредственный // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, Т. XXXII (1812–1815). 1830. — С. 355–356. [Утратил силу]
7. О введении в действие Постановления о патентах на изобретения. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 12.09.1924 г. — Текст: непосредственный // СЗ СССР. 1924. № 9. — Ст. 97. [Утратило силу].
8. О государственном издательстве. Декрет ВЦИК от 29.12.1917 г. — Текст: непосредственный // СУ РСФСР. — 1918. — № 14. — Ст. 201. [Утратил силу]
9. О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием. Декрет СНК РСФСР от 26.11.1918. — Текст: непосредственный // СУ РСФСР. — С. 1918. — № 86. — Ст. 900 [Утратил силу]
10. О собственности в РСФСР. Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 (ред. от 24.06.1992, с изм. от 01.07.1994). — Текст: непосредственный // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. — 27 декабря 1990 г. — № 30. — Ст. 416 [Утратил силу]
11. Об авторском праве и смежных правах. Закон РФ от 09.07.1993 № 5351-1. — Текст: непосредственный // Российская газета. — № 147. — 03.08.1993 [Утратил силу]
12. Об основах авторского права. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30.01.1925. — Текст: непосредственный // СЗ СССР. — 1925. — № 7. — Ст. 67 [Утратило силу].
13. Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. Закон СССР от 08.12.1961. — Текст: непосредственный // Ведомости ВС СССР. — 1961. — № 50. — Ст. 525 [Утратил силу].
14. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик. Утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1. — Текст: непосредственный // Ведомости ВС РСФСР. — 26 июня 1991 г. — № 25. — Ст. 733 [Утратили силу].
15. Полянская, Е.М. История возникновения и развития авторского права в Российской Федерации и в зарубежных странах / Е.М. Полянская, В.Д. Кадовбенко. — Текст: непосредственный // Юридический вестник Самарского университета. Выпуск 4. — 2018. — № 4. — С. 115–122.
16. Стоглав. Собор 1551 года. — Текст: электронный // Азбука.ру: [сайт]. — URL: <https://azbyka.ru/otchnik/pravila/> (дата обращения: 18.03.2022).
17. Фалалеев, А.С. Авторское право советского периода / А.С. Фалалеев. — Текст: непосредственный // Проблемы экономики и юридической практики. — 2009. — № 3. — С. 160–164.
18. Цензурный устав. 1828 г. — Текст: непосредственный // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. — Т. 3. — 22 апреля — 1828. — С. 475–476. [Утратил силу]

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Полномочные представители Президента РФ в федеральных округах как структурные подразделения Администрации главы государства

Джафаров Камиль Юсифович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

История вопроса становления института полномочных представителей главы государства, имеет весьма обширный временной период: со времен царской России по настоящее время. И все еще остается актуальным. Наша многонациональная страна имеет обширную территорию, что вызывает множество противоречий между действиями представителей государственной власти РФ и ее субъектов. Зачастую отдаются распоряжения без учета реальной обстановки, сложившейся в том или ином субъекте. Кроме того, в субъектах, находящихся на удалении от центра, нередко наблюдался произвол в управлении [1, с. 12–13].

В истории России известны различные периоды правления русских царей, императоров, генеральных секретарей и президентов. Все они предлагали свои формы представительства в субъектах, направляя в них посланников, воевод, губернаторов, наместников, земских начальников, комиссаров, полномочных представителей.

Таким образом, исторические предпосылки современного института полпреда уходят глубоко корнями в историю российского государства.

Не буду останавливаться на вехах исторического развития представительства тех, кто стоял во главе Российского государства, а перейду непосредственной к современному правовому регулированию. Нормативным регламентирование полномочий представителей главы государства в федеральных округах, составляют положения пункта «к» статьи 83 Конституции Российской Федерации, в которой говорится, что к полномочиям Президента РФ относится «назначение и освобождение полномочных представителей Президента Российской Федерации». Пункт «к» статьи 83 распространяется не только на полпредов в федеральных округах, но и на иных представителей главы государства, к которым относятся: представители Президента РФ в Государственной Думе и Совете Федерации Федерального Собрания РФ; представители Президента РФ в Конституционном и Верховном Судах РФ; представитель России при ряде международных орга-

низаций, например при ООН, СНГ, ОБСЕ, Совете Европы и т. д. Однако последних отнести к полномочным представителям главы государства полностью нельзя, т. к. они представляют страну, а не президента страны. Вместе с тем назначение на данную должность, освобождение с нее, происходит исключительно главой Российского государства. Отчет такие представители РФ в различных международных организациях осуществляют перед Президентом РФ.

В целом содержащиеся в Конституции РФ правовая диспозиция о полпредах носит общий характер, и оставляет развитие данного положения исключительно за главой государства. Как верно указывает Акулич И. А. «Конституция РФ позволяет выстраивать президентские структуры по личному усмотрению главы государства и без ограничения сферы деятельности полномочных представителей главы государства: «Они могут быть назначены практически всюду — от федеральных министерств до муниципальных образований» [2, с. 54].

Для укрепления «вертикали власти», а также для осуществления содействия главе государства в решении ряда задач, в первую очередь в регионах России был создан на основе Указа Президента РФ институт полномочных представителей Президента РФ. [3] Статус и полномочия такого органа регламентируются рядом указов главы государства. В составе Администрации Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года утвержден Институт полномочных представителей Президента России в федеральных округах [3].

Вся организационная и функциональная деятельность полномочных представителей Президента осуществляется исключительно на основе указов главы государства. Каких-либо федеральных законов в отношении статуса полпредов Президента РФ никогда не было, поэтому данный институт относится к исключительным полномочиям главы государства, и по мнению отдельных актов «предполагает широкое право Президента РФ действовать по собственному усмотрению, исходя не только

из буквы закона, но и из духа Конституции и законов, восполняя пробелы в правовой системе и реагируя на непредвиденные Конституцией РФ жизненные случаи» [4, с. 440].

Уделяя внимание задачам и функциям полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, необходимо отметить двойственность в задачах и функциях. С одной стороны, в Указе Президента РФ от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» [3] прописаны следующие четыре задачи:

- организация в федеральном округе направлений внутренней и внешней политики, которые определяет для округа Президент РФ;
- контрольные мероприятия и деятельность за исполнением законодательства и решений федеральной власти, региональными властями;
- организация и обеспечение на должном уровне кадровой политики главы государства в федеральном округе;
- проведение аналитической работы и обобщений в вопросах национальной безопасности, политической, социальной, экономической ситуации в округе, с предоставлением данной информации и предложений по решению проблем главе государства.

С другой стороны, полпреды осуществляют решение ключевых проблем и задач свойственных каждому округу.

Таким образом, в зависимости от меняющихся условий развития регионов страны, меняются и задачи, которые ставит глава государства перед своими полпредами. Важно то, что для каждого отдельного федерального округа и полпреда, возглавляющего его, Президент РФ ставит свои собственные отличительные от иных задачи. Президент РФ может наделять для решения поставленных задач необходимым объемом полномочий, как например было для полпреда СФО Меняйло С. Н. в 2016 г. В самом Указе Президента РФ в пункте 5 обращено внимание на то, что полпреды реализуют основные задачи, поэтому по моему мнению перечень задач является открытым и остается на усмотрение главы государства.

Исходя из норм Указа Президента РФ от 13.05.2000 № 849 [3], все же отмечу, что основной задачей является контроль и связанная с этим направлением деятельность. Посредством контрольных направлений работы полпредов, глава государства получает объективную информацию о состоянии законодательства в регионах и исполняемых решениях федеральной власти, «а также о состоянии исполнения требований законодательных и иных нормативных актов, решений, принимаемых органами государственной власти и их должностными лицами». Учитывая реализацию данной задачи возможно выявить причины приведшие к сбоям и проблемам, что позволит на федеральном уровне принять меры по устранению тех или иных нарушений и ликвидации последствий (примером может являться паводки в Иркутской области летом 2019 года где ущерб составил

более 35 млрд рублей или же лесные пожары в Сибири 2019 года).

Обращу внимание и на основную проблему, связанную с необходимостью закрепления правового статуса полпредов, в том числе как структуры Администрации Президента РФ, не только на уровне Конституции РФ, но и на уровне федерального законодательства, в связи с чем, решились два важнейших ключевых вопроса. Первый, «недовольство», конфликтные ситуации, а зачастую и прямое противостояние между губернаторами (главами регионов) и самими полпредами. Второй вопрос, решение идентичных и аналогичных функций между самими полпредами и региональными исполнительными и судебными органами власти регионов.

По мнению А. К. Гаджиева, «созданный институт полномочных представителей лишь прообраз или первый этап на пути перехода к системе прямого административного управления регионами, при этом он отдельно подчеркивает, что в истории Российской Империи назначаемые царем губернаторы успешно существовали с назначаемыми им же генерал-губернаторами (наместниками)» [5, с.62].

Позиция «против» была переломлена в пользу позиции «за» данный институт. Причиной тому являлось желание Президента РФ сохранить данный институт из-за возможности контроля региональных властей. Такой контроль — это верная тенденция на укрепление федеративных отношений, но по моему мнению, необходимо оставить за Президентом РФ все контрольные полномочия в отношении полпредов, вместе с тем исключить дублирование ряда функций с главами регионов. Для этого необходимо принять федеральный закон «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральных округах», с детальным закрепление не только статуса, этого института главы государства, но и его полномочий, в том числе с указанием основного полномочия — контрольного.

В отношении перспективы развития института полпредов, как структуры Администрации Президента РФ, отмечу, что сегодня контрольный характер их деятельности, может быть сменен на согласительный характер их работы с главами регионов. Проведение работы по согласованию ответственных направлений для Российской Федерации, реализуемых в рамках региона, что позволит более точно проводить политику федерального центра в регионах страны.

По мнению Шарикова В. Н. [6, с. 8] необходимо на законодательном уровне произвести «уточнение модели правового статуса и компетенции полномочных представителей, путем проведения административной реформы». Ее результатами должно стать наделение полпредов административной властью. Сейчас они могут только информировать компетентные органы или главу государства о ненадлежащем исполнении решений Президента или законодательства РФ, поэтому необходимо наделить самостоятельными возможностями применять меры юридической ответственности к долж-

ностным лицам субъектов федерации за указанные выше нарушения.

Таким образом, институт полпредства призван решать ответственные и своевременные задачи, направленные на решение актуальных проблем в стране. Основной тенденцией развития института полпредства будет связано с преодолением сложных вопросов между центром и регионами. При наличии стабильной обстановки в регионах и проведение эффективной работы органов государственной власти, большинство полномочий полпредов будут отменены или перейдут к органам власти, которые будут наделены правом их реализации.

Подводя итоги, отмечу, контрольные задачи, стоящие перед полпредами являются основными, в связи с чем требуется, по моему мнению, совершенствовать правовое регулирование в данной области. Так необходимо принять федеральный закон, регламентирующий организацию и проведение государственного контроля. Такой закон

может носить название «Об основах государственного контроля в Российской Федерации», в котором были бы установлены общие принципы и виды государственного контроля, порядок проведения, ответственность за несоблюдение норм и т. д.

Таким образом, основная стратегическая задача, стоящая перед полпредами — осуществление должного контроля и предоставления своевременной, объективной и достоверной информации главе государства. Верно отмечено Пановым А. А. «правовой статус полпредов предоставляет им широкие возможности для совершенствования внутренней и внешней политики государства, для проведения линии Президента России в регионах, а значит, для оптимизации всей системы государственного управления» [7, с. 10].

Отметим, что данная идея, вполне обоснована и направлена на укрепление власти не только президента, но в целом всей вертикали власти в стране.

Литература:

1. Бирин О. Н. Административно-правовой статус полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе: становление, развитие и реализация. (На примере Северо-Западного федерального округа): фвтореф. дисс... канд. юрид. наук. СПб., 2004. — С. 12–13.
2. Акулич И. А. Характеристика статуса полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах // Вестник Забайкальского государственного университета. 2011. № 12 (79). — С. 54.
3. Президента Российской Федерации от 13.05.2000. № 849 (ред. от 19.07.2018) «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2020 № 849 (ред. от 12.12.2018) // СЗ РФ, 15.05.2000. № 20. ст. 2112.
4. См.: Баглай М. В. Конституционное право России М. Норма. 2017 — С. 440.
5. Гаджиев А. К. Аппарат полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе: назначение, структура, полномочия // Рос. юстиция. 2018. № 1. — С. 62.
6. Шариков В. Н. Полномочный представитель Президента Российской Федерации в федеральном округе: правовой статус и функции (на примере Центрального федерального округа). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. 2004. С. 8.
7. Панов А. А. Полномочные представители президента Российской Федерации в федеральных округах: особенности правового статуса и перспективы развития // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 12. — С. 10.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

К вопросу об интеллектуальных правах на произведения, созданные искусственным интеллектом

Кудинов Максим Александрович, юрист (г. Тольятти)

Автор рассматривает проблемы, связанные с авторством произведений созданных искусственным интеллектом. Суть этой проблемы заключается в том, что современные технологии искусственного интеллекта шагнули так далеко, что искусственный интеллект способен создавать различный контент — в том числе и музыку, произведения изобразительного искусства, литературные произведения и так далее. Это ставит вопрос об авторстве таких произведений.

Ключевые слова: интеллектуальные права, искусственный интеллект, произведения, служебное произведение.

Современные технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ) шагнули так далеко, что он способен создавать (в том числе и практически в автономном от человека порядке) различный контент — в том числе и музыку, произведения изобразительного искусства, литературные произведения и так далее. Коммерциализация этих объектов ставит ряд чисто юридических вопросов. Среди них — можно ли защищать авторским правом произведения (изобретения), созданные ИИ? Если да, то каким именно образом необходимо предоставлять охрану таким произведениям и кому будут принадлежать эти права?

В науке есть различные точки зрения на этот решение этих вопросов. Очень часто они рассматриваются в комплексе — так, в частности достаточно подробно они анализируются в статьях Е. А. Афанасьевой [2], В. Витко [3], Е. Моргуновой [8], П. Морхат [9] и др.

Анализ работ этих и других авторов позволяет утверждать, что в настоящее время в российской и зарубежной доктрине есть теории, которые подразумевают:

- «авторство искусственного интеллекта»;
- «абсолютного авторства человека» (авторами признаются создатели ИИ или иные лица, участвующие в его «обучении», эксплуатации и др.);
- «теория служебного произведения» (ИИ здесь выступает как «наемный работник, создающий произведение»);
- «теория соавторства» (в данном случае ИИ и человек выступают соавторами);
- «теория общественного достояния» (немедленный переход данных произведений в общественное достояние).

Каждая из этих теорий не бесспорна. К примеру, возможность передачи подобных произведений в общественное достояние, или полный отказ от признания у подобных произведений авторства уничтожает эконо-

мический смысл создания ИИ способного к созданию таких произведений.

Теория об «абсолютном авторстве человека» базируется, в общем и целом, на положении о том, что «результат работы искусственного интеллекта представляет собой результат интеллектуальной деятельности создавшего этот искусственный интеллект человека творца» [9, с. 36].

Однако эта теория также может быть раскритикована по причине существования так называемых «самообучаемых программ», где результат может не иметь ничего общего с изначальной идеей человека (группы людей), которые изначально писали программу. В связи с этим возникает «вопрос принадлежности прав на часть программного кода, созданной самой самообучающейся компьютерной программой» [1, 78]. Кроме того, в рамках этой теории весьма сложно четко определить какому именно лицу (или лицам) принадлежит авторство — разработчику, владельцу, пользователю?

Как правило, авторство приписывается разработчику, однако это не обязательно — в рамках этой теории можно выделить подход, при котором результаты деятельности ИИ создавшего определенный контент принадлежат людям, которые не создавали программный код ИИ, но «обучали» его. Для иллюстрации этого приведем пример с продажей на аукционе Christie's картины «Эдмона де Белами», которая была создана с участием алгоритмов ИИ. Итоговая цена картины составила \$ 432 500. Согласно рекламе аукциона, портрет был создан искусственным интеллектом (ИИ). Средства массовой информации, при этом, описывали это как первое произведение искусства, созданное не человеком, а, скорее, машиной.

При этом, «вырученные средства были переданы коллективу французских художников Obvious. Они снабдили алгоритм изображениями реальных картин художников-людей и обучили его автономному созданию изо-

бражений» [15]. Коллектив программистов, создавший программный код ИИ не получили доходов от реализации картины получив за нее разовое вознаграждение после создания системы. На наш взгляд, данный подход не бесспорен, однако должен обязательно учитываться в дальнейшем.

В свою очередь, в теории об авторстве ИИ слабой стороной здесь является тот факт, что ИИ не может быть наделен правосубъектностью, а признание ИИ автором вызовет целый ряд правовых проблем — в частности непонятно как работ будет осуществлять права в отношении созданных им объектов и так далее.

В настоящее время, согласно 4 части Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ [4]) «Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат» (ч.1. ст. 1228 ГК РФ). Как можно убедиться здесь однозначно имеется в виду физическое лицо. Этот же подход закреплен и в законодательстве подавляющего большинства зарубежных стран. Более того — в ряде юрисдикций прямо указано, что данные произведения не являются объектами авторского права. В частности, «Законом республики Армения от 15 июня 2006 года «Об авторском праве и смежных правах» [14] установлено, что не являются объектами авторского права «результаты, полученные с помощью технических средства без творческой деятельности человека (п. п. «е», п.1. ст. 4).

Кроме того, критики подхода об авторстве ИИ утверждают, что «машинный интеллект сам не вымышляет оригинальную объективную форму, а лишь подражает тому, что создано другими авторами» [3, с. 8]. Эти же вопросы ставят вопрос о состоятельности промежуточного подхода о «соавторстве человека и ИИ».

Тем не менее, несмотря на всю критику этого подхода, в современном мире есть прецеденты, когда авторство произведения признавалось за искусственным интеллектом. В частности, в 2020 году суд китайского города Шэньчжэнь впервые в мире защитил авторские права на текст, созданный искусственным интеллектом. Поводом для обращения в суд стала статья, написанная роботом Dreamwriter («Автор снов»). Основанный на данных и алгоритмах, искусственный интеллект уже несколько лет делает сводки о бизнесе и финансах. Этот новостной робот создан инновационной компанией Tencent в 2015 году. Машина может писать до 2000 статей в день, в каждой отмечается, что «статья была автоматически написана Tencent Robot Dreamwriter. В 2018 году Tencent обвинила Shanghai Yingxun Technology Company в копировании на свой сайт финансового отчета, созданного «Автором снов». Суд встал на сторону Tencent, посчитав, что форма изложения материала в статье отвечает требованиям оригинальности и новизны и может быть классифицирована как охраняемый авторским правом результат интеллектуальной деятельности. В результате компанию Shanghai Yinxun Technology обязали выплатить компенсацию в размере 1,500 юаней (217 \$) в пользу разработчика ИИ [6].

Этот случай первый и пока единственный в мировой практике, когда за искусственным интеллектом признали авторское право на сгенерированное им произведение. Впрочем, штраф был присужден в пользу компании — разработчика, а не в пользу ИИ (что в принципе невозможно). Такой подход свидетельствует о том, что спорный продукт деятельности ИИ, хотя и был признан результатом интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта, был классифицирован скорее как служебное произведение и все исключительные права на нее имеет разработчик. Совершенно очевидно, что подобные дела в будущем будут рассматриваться все чаще.

Наиболее интересной с теоретических позиций представляется теория «служебного произведения», так как сходство между отношениями работодателя/сотрудника и создателя ИИ с системой ИИ действительно есть. При этом, «такой подход, в отличие от других, не требует тщательного переосмысления и радикального изменения существующих законов и практик» [7].

Однако и здесь есть определенные проблемы. Так, согласно ст. 1295 ГК РФ авторские права на служебное произведение принадлежат автору, а работодателю переходят исключительные права. Тем самым непонятно конкретное содержание «авторских прав ИИ». А согласно ст. 1257 ГК РФ автором произведения является гражданин, что подразумевает невозможность признания автором произведения ИИ. Тем самым и теория «служебного произведения» несмотря на то, что она максимально приближена к категориям действующего законодательства, в настоящее время неработоспособна.

В целом, проблема, связанная с авторством произведений созданных искусственным интеллектом в настоящее время не имеет однозначного решения. Более того, ни в одной юрисдикции мира она не решена. Однако, на наш взгляд, наиболее перспективной теорией, в рамках которой возможно решить проблему авторства произведения созданного искусственным интеллектом (ИИ), является теория «служебного произведения», которая хотя и неработоспособна в рамках существующих законодательных дефиниций, но может быть доработана и применима в будущем — за счет коррекции и совершенствования действующего законодательства.

Косвенным доказательством возможности такой коррекции может быть подход, заложенный в определении ИИ данным в «Стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [12]. В этом определении подчеркивается, «что результаты деятельности ИИ могут быть сопоставимы с результатами интеллектуальной деятельности человека. Тем самым разработчики Стратегии не отрицают возможность ИИ создавать результаты сходные с результатами произведений созданных человеком» [1, с. 76], что, в перспективе, может привести к введению нового субъекта права.

Схожий подход был продемонстрирован в резолюции Европейского парламента в 2017 году. В этой резолюции

была обозначена «необходимость определения особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе таким образом, чтобы хотя бы наиболее сложные автономные роботы могли быть наделены статусом электронных лиц, которые несут ответственность за свои действия и могут принимать независимые решения или иным образом независимо взаимодействовать с третьими лицами» [10, с. 11–12].

Таким образом, дискуссии относительно осмысления возможной правосубъектности ИИ идут уже не только в теории, но и на уровне правоприменителей. Однако конкретные законодательные формулировки предположить пока трудно (как, впрочем, и саму возможность этого) но то, что результаты деятельности ИИ необходимо будет, так или иначе, защищать нормами интеллектуального права — несомненный факт.

Литература:

1. Артений, Л. С. Искусственный интеллект в авторском праве / Л. С. Артений. — Текст: непосредственный // Вестник науки и образования. — 2019. — № 7–1 (61). — С. 76–81.
2. Афанасьева, Е. А. Авторское право в эпоху искусственного интеллекта / Е. А. Афанасьева. — Текст: непосредственный // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2020. — № 6. — С. 59–66.
3. Витко, В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта (часть 1) / В. Витко. — Текст: непосредственный // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 2. — С. 5–20.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2021) — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 25.12.2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.
5. Гривский, К. Творчество и искусственный интеллект / К. Гривский. — Текст: непосредственный // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2020. — № 1. — С. 57–60.
6. Искусственный интеллект против автора: на чьей стороне закон?. — Текст: электронный // Конкуренция и рынок: [сайт]. — URL: <https://konkir.ru/articles/obshchestvo/iskusstvennyy-intellekt-protiv-avtora-na-chey-storone-zakon> (дата обращения: 11.03.2022).
7. Исследование «Искусственный интеллект в сфере интеллектуальной собственности». — Текст: электронный // Закон.ру: [сайт]. — URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/09/za_iskusstvennym_intellektom_priznali_avtorskie_prava (дата обращения: 11.03.2022).
8. Моргунова, Е. А. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект / Е. А. Моргунова. — Текст: непосредственный // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2020. — № 9. — С. 27–40.
9. Морхат, П. М. Антропоцентрический концепт: анализ судебной практики / П. М. Морхат. — Текст: непосредственный // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2018. — № 10. — С. 33–42.
10. Морхат, П. М. Интеллектуально-правовые парадоксы с созданием искусственным интеллектом художественных произведений и изобретений / П. М. Морхат. — Текст: непосредственный // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2018. — № 11. — С. 5–15.
11. Морхат, П. М. Юнит искусственного интеллекта в контексте права интеллектуальной собственности: автор, соавтор, наёмный работник или инструмент / П. М. Морхат. — Текст: непосредственный // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2018. — № 8. — С. 35–42.
12. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. № 41. 14.10.2019. Ст. 5700.
13. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 /. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — , 14.10.2019. — № 41. — Ст. 5700.
14. Об авторском праве и смежных правах. Закон Республики Армения от 4 июля 2006 года № ЗР-142 (ред. от 23.10.2013). — Текст: электронный // Законодательство стран СНГ: [сайт]. — URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=65940 (дата обращения: 11.03.2022).
15. Произведения искусства, созданные ИИ, продаются за полмиллиона долларов. — Текст: электронный // Хайтек. fm: [сайт]. — URL: <https://hightech.fm/2021/02/01/artificial-intelligence-artwork> (дата обращения: 11.03.2022).

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

О совершенствовании накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих

Троицкий Александр Сергеевич, студент магистратуры
Ивановский государственный университет

В статье автор предлагает внесение изменений в законодательство с целью снятия существующих ограничений при расчете размера накопительного взноса участника накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.

Ключевые слова: военнослужащие, накопительно-ипотечная система, жилищное обеспечение, взнос.

Одним из видов социального обеспечения военнослужащих в Российской Федерации в области приобретения ими жилья является участие военнослужащих в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения (далее-НИС). Несмотря на все существующие плюсы данной программы, нами, по итогам анализа нормативно-правовой документации, регулирующей данную область, было установлено, что в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует дифференциация выплат по НИС в соответствии с ценовой политикой на жилые помещения в разных регионах страны, в связи с чем возможность приобретения жилья военнослужащими в крупных городах, таких как г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Нижний Новгород и других, учитывая стоимость недвижимости в данных субъектах, без привлечения собственных средств практически не реализуема.

По мнению Н. В. Пересыпкиной и Н. А. Пукас, механизм расчета ежегодных взносов по накопительно-ипотечной системе должен быть подчинен следующим принципам: накопительный взнос по НИС должен быть дифференцирован для каждого отдельного региона и в обязательном порядке учитывать рыночную стоимость одного квадратного метра жилья в соответствующем субъекте Российской Федерации; в соответствии с законом «О статусе военнослужащих» при начислении накопительных взносов государству необходимо учитывать состав семьи военнослужащего, с увеличением платежей в соответствии с увеличением членов семьи военнослужащего [1, с. 73]. Однако не все разделяют данную позицию, по мнению Э. С. Коловжари, данные изменения сомнительны, так как необходимо учитывать высокую внутристрановую мобильность военнослужащих, а также то, что данные изменения нарушат принцип равенства в реализации прав военнослужащих, находящихся в разных регионах страны [2, с. 425]. На наш

взгляд, в дополнение к этому, не стоит забывать и об ограниченных возможностях государственного бюджета.

Механизм расчета ежегодных взносов по накопительно-ипотечной системе, по нашему мнению, не должен быть строго ограничен п. 1 ст. 8 Федерального закона от 6 декабря 2021 г. № 390-ФЗ «О Федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов», в котором указано, что размер накопительного взноса на одного участника накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, включенного в реестр участников, в 2022 году составляет 311044,5 рубля [3]. Данный пункт, с применением бланкетной нормы, необходимо изложить в следующей редакции: «Размер накопительного взноса на одного участника накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, включенного в реестр участников, в 2022 году определяется Приказом Министра обороны РФ, но не может быть ниже 250000 рублей, и превышать сумму в 500000 рублей».

В соответствующем приказе Министра обороны РФ необходимо будет предусмотреть те условия, что были названы ранее, в частности регион, в котором военнослужащий выберет себе место проживания, с учетом средней цены за квадратный метр в данном регионе, а также состав семьи военнослужащего, с возможностью корректировки суммы выплаты, в случае увеличения численности семьи. Таким образом, нами была определена формула, схожая с формулой расчета субсидии, предоставляемой военнослужащим, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 03.02.2014 г. № 76, а именно:

$$B = (H \times C \times Kc) / O.$$

В данной формуле B — это ежегодный по накопительно-ипотечной системе; H — норматив общей площади жилого помещения, определяемый в соответствии с пунктами 3–6 Правил расчета субсидии для приобретения

или строительства жилого помещения (жилых помещений), предоставляемой военнослужащим — гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» [4], S — средняя рыночная стоимость одного квадратного метра жилого помещения в субъекте РФ, K_c — поправочный коэффициент, устанавливаемый с учетом общей продолжительности службы, устанавливаемый в соответствии с пунктами 7–9 указанный Правил, O — предполагаемый остаток службы (учитывая средний срок службы в 20 лет).

Исходя из данной формулы, получается, что военнослужащий, проживающий один, выбрав в качестве места приобретения жилья Ивановскую область, прослуживший 10 лет, может рассчитывать на следующие ежегодные выплаты по НИС:

$$B = (33 \times 48\,145 \times 1,85) / 10 = 293\,900 \text{ рублей в год.}$$

Для военнослужащего с семьей из трех человек из Москвы, и прослужившего менее 10 лет, данная формула будет выглядеть следующим образом:

$$B = (54 \times 152\,059 \times 1) / 20 = 410\,000 \text{ рублей в год.}$$

Данная мера видится нам более справедливой, чем существующая на данный момент, но данная тема, как было сказано ранее, является дискуссионной по критерию обеспечения принципа равенства в реализации прав военнослужащих, находящихся в разных регионах страны.

Литература:

1. Пересыпкина, Н. В. Необходимость развития социальной ипотеки в Российской Федерации / Н. В. Пересыпкина, Н. А. Пукас. — Текст: непосредственный // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2015. — № 1 (33). — С. 73.
2. Коложвари, Э. С. Необходимость развития социальной ипотеки в Российской Федерации / Э. С. Коложвари. — Текст: непосредственный // «Военная ипотека» в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Россия и новая экономика: ключевые векторы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции в рамках Всероссийского фестиваля науки: в 2 частях. Новосибирск: Сибирская академия финансов и банковского дела. — 2016. — №. — С. 425.
3. О Федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов: федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 390-ФЗ (ред. от 06.12.2021 г.) // Российская газета. 10.12.2021. № 281.
4. О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 28.01.2022 г.) // СЗ РФ. 01.06.1998. № 22. ст. 2331; Российская газета. 31.01.2022. № 20.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Отдельные аспекты введения процедуры финансового оздоровления крестьянского (фермерского) хозяйства

Демин Евгений Васильевич, соискатель

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

В статье автором рассматриваются особенности процедуры банкротства — финансового оздоровления — крестьянского (фермерского) хозяйства, которая применяется для восстановления платежеспособности должника. Данная тема является актуальной прежде всего потому, что сельскохозяйственные производители, к которым относятся крестьянские (фермерские) хозяйства, являются объектом государственной поддержки как важные для социального и экономического сектора предприятия. Анализу подвергаются отдельные особенности процедуры несостоятельности крестьянского (фермерского) хозяйства, такие, как введение финансового оздоровления арбитражным судом вне зависимости от мнения собрания кредиторов, а также предоставление главой хозяйства плана финансового оздоровления и графика погашения задолженности. Кроме прочего, затрагивается вопрос правовой природы графика погашения задолженности и способы оценки эффективности и результативности плана финансового оздоровления.

Ключевые слова: крестьянское, фермерское, хозяйство, банкротство, несостоятельность, финансовое оздоровление, восстановление платежеспособности должника, график погашения задолженности, план финансового оздоровления.

Separate aspects of the introduction of the procedure for the financial rehabilitation of the peasant (farm) economy

In the article, the author discusses the features of the bankruptcy procedure — financial recovery — of a peasant (farm) economy, which is used to restore the solvency of the debtor. This topic is relevant primarily because agricultural producers, which include peasant (farm) enterprises, are the object of state support as enterprises that are important for the social and economic sector. Individual features of the insolvency procedure for a peasant (farm) economy are analyzed, such as the introduction of financial recovery by an arbitration court, regardless of the opinion of the meeting of creditors, as well as the provision by the head of the economy of a financial recovery plan and a debt repayment schedule. Among other things, the issue of the legal nature of the debt repayment schedule and ways to assess the effectiveness and efficiency of the financial recovery plan are touched upon.

Keywords: peasant, farm, economy, bankruptcy, insolvency, financial recovery, restoration of the debtor's solvency, debt repayment schedule, financial recovery plan.

Сельское хозяйство является важнейшей отраслью для государства, и тенденции замедления экономического роста в данной сфере, острая нехватка альтернатив в вопросе занятости в сельской местности, необходимость повышения конкурентоспособности собственной сельскохозяйственной продукции в период импорт замещения, свидетельствуют о необходимости удаления повышенного внимания данному сектору экономики.

Политика государства нацелена на увеличение инвестиций в сельскохозяйственную отрасль страны, поэтому предпринимаются все и всякие меры по поддержанию организаций — производителей сельскохозяйственной продукции, и по возможности процедуры, позволяющие избежать банкротства таких производителей. Крестьянские (фермерские) хозяйства (далее — КФХ) занимают особое

место в числе производителей сельскохозяйственной продукции.

Государство имеет прямую заинтересованность в финансовом оздоровлении КФХ, ввиду чего на законодательном уровне закреплено проведение процедуры финансового оздоровления КФХ, и регламентированы ее особенности в отношении таких субъектов. Эти особенности содержатся в ст. 219 Федерального закона о № 127-ФЗ от 27.09.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) [2]. Процедура финансового оздоровления ставит целью восстановить платежеспособность должника, чтобы тот мог удовлетворить требования кредиторов.

Какаясь рассмотрения особенностей финансового оздоровления КФХ, в первую очередь отметим, что одной

из них является право главы КФХ представить в арбитражный суд план финансового оздоровления и график погашения задолженности. Срок предоставления указанных плана и графика — два месяца со дня, когда арбитражным судом вынесено определение о введении в отношении КФХ — должника наблюдения.

Мы склонны согласиться с Т. М. Жуковой, которая считает, что смысл ст. 78 Закона о банкротстве заключается в том числе в том, что финансовое оздоровление в отношении КФХ не может быть инициировано третьим лицом [1]. Исходя из того, что план финансового оздоровления и график погашения задолженности в арбитражный суд предоставляется главой КФХ, тем самым законодатель подразумевает, что иные члены КФХ и третьи лица могут быть лицами, предоставившими обеспечение. Дальнейший анализ положений о правовом регулировании оздоровительных процедур в отношении КФХ позволяет сделать вывод о том, что исходя из смысла ст. 76 Закона о банкротстве, для введения процедуры финансового оздоровления согласие собрания кредиторов не требуется. Законодатель не обязывает главу КФХ обращаться к собранию кредиторов с ходатайством об инициировании процедуры финансового оздоровления, для этого ему достаточно воспользоваться правом предоставления в арбитражный суд плана финансового оздоровления и графика погашения задолженности.

Считаем важным акцентировать внимание на том, что если мероприятия, содержащиеся в плане финансового оздоровления, будут способствовать погашению долгов КФХ по обязательным платежам и по денежным требованиям кредиторов, согласно графику задолженности, процедура финансового оздоровления может быть введена арбитражным судом вопреки воле собрания кредиторов. По общему правилу, данное действие разрешено при условии предоставления обеспечения путем банковской гарантии третьими лицами обязательств должника (п. 3 ст. 75 Закона о банкротстве). Как уже было выяснено, еще одной особенностью финансового оздоровления КФХ является необязательность предоставления главой КФХ банковской гарантии.

Оценка эффективности предоставленного в арбитражный суд плана финансового оздоровления является отдельным вопросом. Некоторыми авторами, к примеру, С. А. Карелиной, в качестве критериев эффективности такого мероприятия предлагается использовать критерии оценки инвестиционного проекта, такие, как:

- коэффициент внутренней нормы прибыли;
- запас финансовой прочности;
- точка безубыточности;
- чистая текущая стоимость;
- период окупаемости проекта [3].

Таким образом, арбитражный суд сперва должен принять решение насчет эффективности предоставленного главой КФХ плана финансового оздоровления, используя специальные методы, после — оценить реальные шансы КФХ придерживаться графика погашения платежей, и на основании этих выводов принимать решение о введении процедуры финансового оздоровления.

Требования к плану финансового оздоровления также имеют свои особенности. В частности, план должен содержать:

- общие сведения о должнике, его характеристику;
- сведения об источниках получения средств должником;
- мероприятия по восстановлению платежеспособности должника;
- мероприятия по хозяйственной деятельности КФХ.

План должен строиться исходя из графика погашения задолженности, а сам график должен быть согласован и подписан главой КФХ и, в случае наличия такового, предоставившим обеспечение лицом.

Рассмотрение графика погашения задолженности с правовой точки зрения приводит к выводу, что такой график является односторонним обязательством, которое берет на себя должник, о погашении в установленные сроки своей задолженности перед кредиторами. Такого мнения придерживаются, в частности, М. В. Телюкина, В. Н. Ткачев, В. И. Тарасов [6]. Иного мнения придерживается Е. Яцева, считая график погашения задолженности по правовой природе более сходным с мировым соглашением, поскольку, по ее мнению, он содержит судебные и договорные обязательства [8]

Считаем, что оставление на усмотрение суда введения процедуры финансового оздоровления в отношении должника — КФХ, без учета мнения собрания кредиторов, было установлено законодателем в связи с тем, что в интересах кредиторов зачастую скорейшее завершение процедуры банкротства, а введение финансового оздоровления этому совершенно не способствует (скорее, имеет прямо противоположную цель), а арбитражные управляющие не имеют заинтересованности в результатах процедуры, поскольку они не обладают в отношении должника функциями контроля.

Вышеупомянутый факт обуславливается сроком проведения процедур, и в отношении КФХ не должен превышать срок проведения финансового оздоровления и внешнего управления в совокупности более, чем 2 года и 2 месяца. Законодатель допускает продление этого срока на год в случае, если финансовое положение КФХ ухудшается в этот период по независящим от КФХ причинам (стихийное бедствие, эпизоотия и т. п.).

Учитывая направленность государственной политики на поддержку сельскохозяйственного производителя, введение особенностей процедуры банкротства к КФХ видится вполне оправданным и целесообразным.

Считаем, что скорейшему и более эффективному восстановлению платежеспособности КФХ способствовало бы расширение перечня оснований для введения такой процедуры несостоятельности, как финансовое оздоровление. Отметим, что в законодательстве некоторых зарубежных стран (например, в США), существуют критерии реальности и выполнимости плана реорганизации должника в качестве обязательных для инициирования финансового оздоровления. В связи с вышеизложенным считаем справедливым высказывание

Е. К. Ращевского о том, что план финансового оздоровления не должен содержать меры, которые заведомо невозможно осуществить как экономически, так и юридически [4]. Среди методов оценки рисков плана финансового оздоровления в научной литературе выделяют:

- метод анализа чувствительности, который определяет степень влияния изменения различных факторов на ключевые показатели эффективности плана;

- метод экспертных оценок;
- метод сценариев;
- метод сравнения [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что такая процедура несостоятельности, как финансовое оздоровление, в отношении КФХ регламентирована довольно полно, однако некоторые моменты нуждаются в доработке и совершенствовании.

Литература:

1. Жукова Т. М. Особенности финансового оздоровления при банкротстве крестьянского (фермерского) хозяйства // Вестник Пермского университета. 2012. № 9. С. 45.
2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 07 марта 2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации 2002. № 43, ст. 4190.
3. Карелина С. А. Правовое регулирование планирования в процессе несостоятельности // Арбитражный процесс. 2008. № 7. С. 24.
4. Ращевский Е. К. К вопросу о юридической природе плана внешнего управления // Хозяйство и право. 2000. № 12. С. 17.
5. Рудакова О. Ю., Рудакова Т. А. Финансовое оздоровление как процедура банкротства и результат ее проведения // Эффективное антикризисное управление. 2017. № 4. С. 29–31.
6. Телюкина М. В., Ткачев В. Н., Тарасов В. И. Финансовое оздоровление как пассивная оздоровительная процедура // Адвокат. 2003. № 12. С. 11.
7. Шишмарева Т. П. Особенности несостоятельности крестьянского (фермерского) хозяйства // Вестник Омского университета. 2013. № 6. С. 63.
8. Яцева Е. Особенности сделок должника в период финансового оздоровления // Юрист. 2003. № 4. С. 20.

Некоторые проблемные аспекты регулирования несостоятельности (банкротства) умершего гражданина

Передера Алексей Александрович, соискатель

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

В статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты правового регулирования несостоятельности (банкротства) умершего гражданина-должника в связи с изменениями законодательства в сфере наследственного права. Положения действующего законодательства о несостоятельности (банкротстве) анализируются с позиции потребности в обеспечении своих законных прав и интересов всеми участниками наследственных правоотношений.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, правопреемство, наследство, наследование, гражданин, наследственная масса, наследственное имущество.

Some problem aspects of regulation of insolvency (bankruptcy) of a dead citizen

The article deals with some problematic aspects of the legal regulation of insolvency (bankruptcy) of a deceased citizen-debtor in connection with changes in legislation in the field of inheritance law. The provisions of the current legislation on insolvency (bankruptcy) are analyzed from the standpoint of the need to ensure their legal rights and interests by all participants in inheritance legal relations.

Keywords: insolvency, bankruptcy, succession, inheritance, inheritance, citizen, hereditary mass, hereditary property.

Наследование — это переход имущества умершего лица в порядке универсальной правопреемственности [4, с. 44]. Именно это правило отражено в ст. 1110

Гражданского Кодекса РФ (далее — ГК РФ), содержащей легальное определение понятия «наследование» [1].

Указанная статья через категорию универсального правопреемства раскрывает феномен наследования, но в то же время говорит о переходе имущества от одного лица к другому, а не об изменении состава субъектов определенных общественных отношений, что более подходит сингулярному правопреемству, а не универсальному.

Мы считаем, что именно формулировка указанной статьи не позволяет достичь единства ни в правоприменительной практике, ни в гражданско-правовой науке в таком вопросе, как определение единства действительной правовой природы наследования.

Например, Е. Р. Аминов, И. А. Андреев, И. Л. Арсентьев и др., комментируя третью часть КГ РФ, акцентируют внимание на том, что использованное законодателем понятие универсального правопреемства предполагает замещение наследниками наследодателя и автоматическое приобретение ими его правового статуса в урезанном варианте (исключая неимущественные и им подобные права и обязанности) [2].

Однако необходимо обратить внимание, что наследование предполагает переход прав и обязанностей к другому лицу в усеченном варианте, а универсальность правопреемства — нет. Поэтому вести речь о правопреемстве, которое предполагает замену одной из сторон правоотношения при наличии ограничений в последствиях от участия лица в таком правоотношении представляется неверным. В этой связи представляется правильным рассматривать наследование с точки зрения перехода имущественных прав от наследодателя к наследнику (наследникам).

Особую актуальность этот вопрос получил с введением в российское право института банкротства граждан и последующим вступлением в силу Федерального закона от 29.06.2015 № 154-ФЗ, который предусматривает возможность признания несостоятельной наследственной массы, т. е. банкротство умершего гражданина [5].

Рассматриваемый подход является своего рода развитием установленного п. 3 ст. 1175 ГК РФ режимом, в соответствии с которым кредиторы имеют право предъявить требования к наследственному имуществу или исполнителю завещания до принятия наследства. Основу указанного подхода составляет существовавшая в римском праве «сепаратная процедура», которая позволяла разделять собственное имущество наследника и наследство, и ограничивать ответственность наследника по долгам наследодателя пределами наследства.

На наш взгляд, для того, чтобы оценить эффективность процедур, предусмотренных законом, необходимо разобраться с такой проблемой, как определение круга лиц, которые имеют право участвовать на стороне должника в деле о несостоятельности умершего.

Разрешение данного вопроса представляет интерес не только для науки, но и для практической деятельности, т. к. ст. 223.1 в редакции Закона о несостоятельности (банкротстве) предусматривала, что наследники могут участвовать в деле о несостоятельности умершего

гражданина независимо от момента приобретения наследства [3].

Дословно, указанная норма гласила: «Права и обязанности гражданина в деле о его банкротстве в случае его смерти или объявления его умершим осуществляют наследники гражданина, а до их определения осуществляет исполнитель завещания или нотариус по месту открытия наследства» [3]. Отсюда можно сделать вывод, что законодатель наделяет способностью принимать участие в деле о несостоятельности умершего гражданина трех субъектов: наследников, душеприказчика и нотариуса. Конкретизации понятия «наследник» в данном случае законом не содержалась. В наследственном праве понятие «наследник» является многоаспектным, в частности, оно может означать:

- лица, которые имеют право принять наследственное имущество;
- лица, принявшие наследственное имущество любым из способов, которые допускает законодательство (т. е. лица, которые совершили юридические и/или фактические действия).

Буквальное толкование первоначальной редакции ст. 223.1 позволяет прийти к выводу, что под наследниками понимались все лица, имеющие права на наследство и его принявшие, как до оформления правопреемства, так и после него.

Согласно общему правилу гражданского и арбитражного процесса, к делу необходимо привлекать всех лиц, права и интересы которых могут быть затронуты судебным актом. Из вышесказанного вытекает, что привлечение всех наследников к участию в деле о банкротстве является вполне логичным, особенно учитывая, что начало процедуры несостоятельности для некоторых наследников может иметь решающее значение при решении вопроса участия в правопреемстве

Недостаток рассматриваемого подхода состоит в необходимости на законодательном уровне закрепить правила, по которым будет формироваться общая воля наследников по вопросам, касающимся дела о несостоятельности наследственной массы.

Например, законом предусматриваются особые процедуры выбора представителя в целях обеспечения интересов третьих лиц в банкротном процессе для учредителей и работников юридического лица, являющегося должником. Видится смысл в закреплении аналогичной процедуры и для наследников умершего должника, потому что ситуация, при которой наследники будут иметь принципиально разные взгляды на решение одного и того же вопроса, который необходимо разрешить в деле о несостоятельности, будут встречаться довольно часто.

С изменением редакции ст. 223.1 были существенно ограничены возможности вышеуказанных лиц на участие в деле о банкротстве. Производство по делу о банкротстве в рассматриваемом аспекте состоит из двух этапов:

- до истечения срока на принятие наследство (шесть месяцев после открытия наследства);
- после истечения срока на принятие наследства.

Первый этап допускает участие в деле о банкротстве наследства только нотариуса по месту открытия наследства, и то его полномочия ограничены такими обязанностями, как:

- заявлять в арбитражный суд ходатайство о применении в деле о банкротстве гражданина правил настоящего параграфа и переходе к реализации имущества в течение пяти рабочих дней с даты открытия наследственного дела в случае, если в деле о банкротстве гражданина применяется реструктуризация долгов гражданина;
- передать финансовому управляющему информацию о наследственном имуществе должника.

Принявшие наследство наследники имеют право участвовать в деле о банкротстве на втором этапе.

Обратим особое внимание, что имеются существенные различия в правовом статусе участника арбитражного процесса по делу (ст. 35 Закона о несостоятельности (банкротстве)) и участника дела о банкротстве (ст. 34).

У нотариуса статус лица, участвующего в деле, отсутствует, ввиду чего он не может быть участником конкурсных процедур, т. к. на это в законе нет прямого указания. Следовательно, нотариус не имеет права подготавливать и направлять отзыв на заявление о признании гражданина банкротом, готовит план реструктуризации, принимать участие в собрании, ходатайствовать об исключении из конкурсной массы определенного имущества и т. д.).

Душеприказчик так же не имеет прав на совершение вышеуказанных действий. Исключено и прямое указание на то, что исполнитель завещания имеет права и несет обязанности умершего должника. Исходя из смысла п. 1 ст. 188 ГК РФ, смертью одной из сторон представительства представительство прекращается, поэтому душеприказчик не может быть признан представителем умершего. В таком смысле ни нотариус, ни душеприказчик не могут принимать участия в деле о несостоятельности умершего должника от его имени.

Получается, что с момента открытия наследства и до момента его принятия по сроку отсутствует уполномоченный к участию в интересах наследника субъект в процедурах банкротства. Единственный выход, не требующий изменения законодательства, из сложившейся ситуации видится в том, чтобы назначить нотариуса до-

верительным управляющим наследства. В таком случае нотариус может представлять наследную массу в деле о несостоятельности.

Буквальные формулировки названных норм наталкивают на вывод, что действующее законодательство о банкротстве и правоприменительная практика, несмотря на положения статьи 1164 ГК РФ, по которой наследственное имущество поступает со дня открытия наследства в общую долевую собственность наследников, идет по пути отграничения имущества наследника от приобретенного им наследственного имущества. Иначе говоря, наследственное имущество надлено особым правовым режимом, и сохраняет его даже после того, как переходит в собственность наследника.

При этом обращаем внимание на тот факт, что согласно п. 9 ст. 223.1, признанный банкротом гражданин освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе требований кредиторов, не заявленных при введении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина. Это означает освобождение в дальнейшем от бремени долгов наследодателя наследников такого имущества.

Подводя итог, можно сделать вывод, что введение института банкротства наследственной массы способствовало сбалансированности обеспечения интересов и наследников должника, и его кредиторов. Однако более успешная реализация интересов заинтересованных сторон возможна при дальнейшей детальной проработке и закреплению в законодательных нормах реальных инструментов, которые позволят сторонам эффективнее реализовывать свои права.

На природу самого наследования оказывает существенное влияние наличие в отношении наследственного имущества особого режима. Ввиду того, что в настоящее время законодательно закреплена возможность установления банкротств наследственной массы, средства и инструменты, которые сегодня применяются в наследственном праве, приобретают несколько иное значение.

В связи с вышеизложенным представляется важным переосмысление и существенная доработка действующего законодательства в части понятия наследования, правового режима наследуемого имущества, природы и правовых последствий принятия наследства.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».
2. Наследственное право: Постатейный комментарий к разделу V Гражданского кодекса Российской Федерации / Е. Р. Аминов, И. А. Андреев, И. Л. Арсентьев и др.; под общ. ред. М. А. Дмитриева // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант- Плюс». 2012.
3. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон № 127-ФЗ от 26 окт. 2002 г. (ред. от 30 дек. 2020 г.) // Российская газета. 2002.
4. Тужилова-Орданская Е. М., Евтушенко И. Н. К вопросу о наследовании предприятия как объекта гражданских прав // Наследственное право 2012. № 2. С. 42–44.
5. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ от о внесении изменений в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере электрозаправочных станций

Олимпиева Светлана Владимировна, выпускник

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

Транспортный комплекс электромобилей в Российской Федерации с каждым годом развивается повышенными темпами, которые предполагают улучшение транспортной системы. В данный момент необходимо уделить внимание важному элементу для функционирования электромобилей — специализированным электрозаправочным станциям, а также совершенствованию транспортного законодательства с последующим изменением и корректировкой нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: государственный контроль, законодательство, зарядка электромобилей, транспорт, электрозаправочные станции, электротранспорт, электромобиль.

Improvement of regulatory and legal regulation in the field of electric filling stations

Olympieva Svetlana Vladimirovna, graduate

Moscow Automobile and Road Institute (State Technical University)

The transport complex of electric vehicles in the Russian Federation is developing at an increased pace every year, which implies the improvement of the transport system. At the moment, it is necessary to pay attention to an important element for the functioning of electric vehicles — specialized electric filling stations, as well as improving transport legislation with subsequent changes and adjustments to the regulatory framework.

Keywords: state control, legislation, charging of electric vehicles, transport, electric filling stations, electric transport, electric vehicle.

Государственный контроль должен охватывать все сферы деятельности автомобильного комплекса, особенно если это касается транспортной безопасности, а несоблюдение установленных требований может нанести вред обществу.

В Российской Федерации существует основополагающий нормативный документ в сфере автомобильного транспорта — Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» (далее — ФЗ № 259).

Статья 3.2 ФЗ № 259 указывает на то, что предметом федерального государственного контроля (надзора) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве является соблюдение: обязательных требований к перевозкам опасных и скоропортящихся грузов; обязательных требований к осуществлению движения тяжеловесных и крупногабаритных транспортных средств (весового и габаритного контроля); лицензионных требований

к деятельности по перевозке пассажиров и иных лиц автобусами и др. [1]

Согласно данным Аналитического агентства «Автостат», в 2021 году жители России купили 2254 новых электромобилей, что в 3,1 раза больше, чем в 2020 году. Эксперты агентства отмечают, что продажи электромобилей в Российской Федерации растут на протяжении 5 лет подряд (с 2017 года) и ранее никогда не достигали отметки в 1000 единиц. Таким образом, результат 2021 года является рекордным [2].

При этом, для функционирования автомобильного электротранспорта необходимы станции зарядки.

Обычно для зарядки электроавтомобилей можно использовать следующие способы:

1) Бытовая розетка с напряжением 220 В, но данный способ не является безопасным и его использование может повлечь большую нагрузку на сеть. К тому же время зарядки на один автомобиль будет составлять примерно 6–8 часов;

2) Силовая трехфазная розетка на 380 В. Обычно данные розетки обладают следующими особенностями — огнестойкость и термоустойчивость, высокая стойкость на разрыв, хорошие изоляционные свойства, а также устойчивость к ударам. При этом, установка данного типа розеток подразумевает получение специального разрешения обслуживающей компании;

3) Специализированные электрозаправочные станции. Они представляют собой отдельностоящий комплекс для зарядки электромобиля с выделенным местом для стоянки. Время зарядки на данном комплексе составляет около одного часа.

Стоит обратить внимание на то, что в настоящее время существуют всего два типа электрозаправочных станций:

1) Медленные станции. Исходя из названия можно предположить, что время зарядки электроавтомобиля не будет быстрым, поэтому станциями выгодно пользоваться, если они установлены на парковках около дома или деловых и развлекательных центров. Время зарядки на станциях будет составлять примерно 8 часов при мощности до 22 кВт;

2) Станции быстрой зарядки. Более современные и мощные (50 кВт) зарядные комплексы, которые предполагают полную зарядку электроавтомобиля в пределах одного часа.

Открытым остается вопрос о государственном регулировании электрозаправочных станций.

В ФЗ № 259 в предмет федерального государственного контроля (надзора) на автомобильном транспорте, городском наземном электрическом транспорте и в дорожном хозяйстве не входит регулирование сферы в области электрозаправочных станций.

В Российской Федерации существует ГОСТ Р 58404–2019 «Станции и комплексы автозаправочные. Правила технической эксплуатации», но его положения не охватывают электрозаправочные станции, а распространяются на действующие, строящиеся и реконструируемые автозаправочные станции (АЗС) и комплексы (АЗК) общего пользования, осуществляющие заправку транспортных средств, продажу нефтепродуктов, в т. ч. фасованных, реализацию продовольственных и промышленных то-

варов, оказание услуг по обслуживанию и ремонту транспортных средств, а также на АЗС, эксплуатация которых допускается только для удовлетворения собственных нужд организаций или индивидуальных предпринимателей (топливозаправочные пункты) [3].

Следовательно, для более четкого формирования нормативно-правовой базы в сфере электрозаправочных станций, необходимо:

- внести изменения в Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» и включить в предмет регулирования электрозаправочные станции;
- разработать специальный ГОСТ «Электрозаправочные станции и комплексы», который установит правила технической эксплуатации электрозаправочных станций и комплексов. Необходимо определить область применения и специальные термины, а также включить общие положения, отразить информационное обеспечение и специальную документацию. Отдельное внимание требует расшифровка требований и стандартов к эксплуатации электрооборудования, территории, сооружениям и оборудованию;
- отнести к полномочиям специальной государственной службы по контролю (надзору) в сфере автомобильного транспорта действий, которые непосредственно связаны с проверкой законности установки и функционирования электрозаправочных станций;
- внести изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях действий, которые могут повлечь наложение административной ответственности — несогласованная установка, неправильное обслуживание электрозаправочных станций и др.

Следовательно, нормативно-правовая база при введении в эксплуатацию электрозаправочных комплексов требует детальной проработки — от изменения федерального законодательства до разработки специальных нормативов и мер ответственности за нарушение норм права.

Литература:

1. Интернет-издание: КонсультантПлюс, Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта», <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.03.2022);
2. Интернет-издание: Аналитическое агентство «Автостат», <https://www.autostat.ru/> (дата обращения: 25.03.2022);
3. Интернет-издание: ГОСТ Р 58404–2019 «Станции и комплексы автозаправочные. Правила технической эксплуатации», <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.03.2022).

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Разумный срок судопроизводства: понятие и значение

Посиделова Юлия Георгиевна, студент;

Чушенко Дмитрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону)

В рамках данной статьи проводится комплексный анализ правовой природы разумного срока судопроизводства, исследуются и выявляются теоретические и практические проблемы. Кроме того, анализируются нормы законодательства и особенности подходов к пониманию спорной категории разумного срока судопроизводства.

Ключевые слова: разумный срок, гражданское судопроизводство, рассмотрение дела, судебное разбирательство

Как известно, Конституцией РФ закреплены положения о значении прав и свобод человека и гражданина. Они провозглашаются в качестве высшей ценности государства, подлежащей соблюдению и защите со стороны последнего [1]. Очевидно, что в качестве ключевого правового механизма обеспечения и защиты прав и свобод граждан является осуществление правосудия. Однако, зачастую человек при защите своих прав и законных интересов в соответствующих судебных органах, сталкивается с определенными проблемами, которые берут свое начало непосредственно из-за несоблюдения сроков судопроизводства.

Актуальность темы настоящей статьи продиктована особенностями правовой природы разумного срока судопроизводства, а также рядом проблем, складывающихся в условиях несовершенства законодательного регулирования и отсутствия единой позиции относительно природы рассматриваемого института на практике.

Правовое регулирование института разумного срока в рамках гражданского судопроизводства осуществляется в соответствии с положениями ст. 6.1 Гражданского процессуального кодекса РФ [2], в рамках которой не упоминается понятие разумного срока судопроизводства и исполнения судебного постановления. Тем не менее, конкретно ни в упомянутой статье, ни в рамках разъяснений Верховного Суда РФ легальное определение данной терминологической единицы не дано.

Нарушение разумного срока рассмотрения судебных дел или исполнения судебного решения, равно как и отсутствие должного правового регулирования, спровоцировали появление ряда проблем на международном уровне. Здесь необходимо упомянуть знаковое для российской правовой действительности Постановление Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) по делу «Бурдов против Российской Федерации».

Бурдов А. Т., будучи одним из мобилизованных военнослужащих, устранявших последствия аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г., стал участником ряда судебных разбирательств по вопросу получения денежной компенсации по указанному выше основанию. Однако, спустя несколько лет, так и не получив причитающуюся ему сумму, которая, к слову, была присуждена ему вступившим в законную силу судебным решением, вынесенным по результатам рассмотрения гражданского дела, обратился в Европейский суд по правам человека, ссылаясь на нарушение его права в части справедливого разбирательства в разумный срок.

Благодаря данной позиции ЕСПЧ в Российской Федерации и появился правовой механизм, регулирующий вопросы разумного срока судопроизводства.

В юридической науке вплоть до недавнего времени вопрос понятия разумного срока в рамках судопроизводства является дискуссионным. В этом заключается теоретический проблемный аспект. Некоторые ученые-процессуалисты убеждены в необходимости индивидуального подхода к конкретному делу для определения срока, в то время как другие отмечают, что разумный срок устанавливается уполномоченным лицом для реализации предусмотренных законом прав и обязанностей [5].

Однако, несмотря на достаточно внушительное количество разных подходов к пониманию данного понятия, нельзя игнорировать очевидный факт, что разумный срок представляет собой оценочную категорию. Данный вывод логичен и прост за счет перечисленных в гражданском процессуальном законодательстве критериев, с учетом которых устанавливается разумный срок. В их числе следующие:

- правовая и фактическая сложность дела;
- реализация участниками процесса присущих им прав и обязанностей;
- общая продолжительность производства по делу;

— реализация задач и целей судопроизводства судом, выражающаяся в эффективности и достаточности его деятельности.

Оценочный характер рассматриваемого термина подтверждается Конституционным Судом РФ в рамках проверки конституционности положений Гражданского процессуального кодекса РФ в Постановлении Конституционного суда РФ от 19.07.2011 года № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ю. Какуева».

Представляется возможным разумный срок судопроизводства определить как логически и законодательно обоснованный конкретный период времени, в рамках которого суд должен рассмотреть гражданское или арбитражное дело по существу, а компетентные органы обеспечить принудительное исполнение вступившего в законную силу судебного акта.

Кроме того, важно обратить внимание на то, что зачастую в научном сообществе можно наблюдать смешение и отождествление таких понятий как «разумный срок» и «разумный срок судопроизводства». С четким разграничением данных терминов, думается, устранится некоторая неопределенность, поскольку «разумный срок судопроизводства» четко указывает на установление, исчисление и применение разумного срока конкретно к судебному процессу, в то время как «разумный срок» являет собой расплывчатое понятие, применимое к любому виду публичной деятельности органов государственной власти.

Таким образом, необходимо отметить, что отсутствие законодательной дефиниции термина разумного срока порождает определенные трудности в его реализации как на практике, так и в теории. Иначе говоря, определение, корректное исчисление и установление разумного срока фактически зависит только от правоприменителя, т. к. его содержание, исходя из буквы закона, остается не в достаточной степени ясным и определенным. Отсюда следует, что реализация основной цели данного института, которая заключается в создании такого механизма, который способен будет сформировать и привести в порядок процесс рассмотрения дела в суде и действия всех участников гражданских процессуальных отношений, ставится под сомнение.

Исходя из анализа материалов судебной практики, в Арбитражном суде Ростовской области около 13 дел находятся в производстве более 3-х лет (с 2019 г.). Данный факт демонстрирует ранее приведенные доводы относительно оценочного характера категории разумного судопроизводства [4].

Вместе с тем существует ряд иных проблем, так или иначе влияющих на теоретические и практические особенности рассматриваемого института, в том числе на его правильную реализацию. В качестве одной из основных выступает реализация лицом права на компенсацию вреда за нарушенный разумный срок, предусмотренная Федеральным законом «О компенсации за нарушение

права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [3]. Например, в упомянутом нормативном правовом акте, в целом отсутствует непосредственный диапазон для установления размера компенсации по результатам рассмотрения заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Следующим проблемным вопросом, который следует осветить в рамках настоящего статьи, выступает фактическое отсутствие подхода законодателя относительно положений, которые бы могли позволить с достаточной степенью ясности определить, был ли соблюден принцип разумности срока или нет [6]. Иными словами, данный вопрос решается исключительно судебным органом в самостоятельном порядке. В рамках данного вопроса нельзя отрицать высокую степень значимости проводимой оценки судом обстоятельств конкретного дела, которыми он впоследствии будет руководствоваться. Однако здесь возникает такой важный аспект как отсутствие единообразия судебной практики, что в целом отрицательно влияет на эффективность правового механизма защиты прав и свобод человека и гражданина, и, в том числе, на реализацию права на компенсацию при нарушении разумного срока судопроизводства.

Таким образом, с учетом проведенного анализа правовой природы и проблем, связанных с реализацией разумного срока судопроизводства в российском правовом пространстве, представляется возможным сделать следующие выводы.

В качестве основных особенностей, которые придают категории разумного срока судопроизводства, выступают следующие:

- разумный срок как институт гражданского процесса являет собой некий общий ориентир для суда, поскольку при разрешении конкретного дела именно суду отводится роль «координатора» сроков, согласно которой он не должен допускать такого поведения участников процесса, которое повлекло бы за собой его безосновательное затягивание;
- разумные сроки, будучи самостоятельной категорией в рамках гражданского судопроизводства, тем не менее, не существуют обособленно от иных процессуальных сроков. Их взаимосвязь обусловлена эффективностью механизма судопроизводства;
- важность осуществления рассмотрения дела в разумный срок является неоспоримой;
- один из важнейших принципов гражданского процесса — принцип справедливости, неразрывно связан с рассмотрением дела судом в разумные сроки;

Подводя итог всему ранее изложенному, необходимо отметить, что на сегодняшний день в качестве наиболее

острой и все еще не полностью решенной проблемы выступает отсутствие законодательной дефиниции в части определения «разумного» срока судопроизводства. В этой связи, неясны четкие критерии и принципы, которым руководствуется судебный орган при определении соблюдения, исчисления и установления разумного срока судопроизводства.

Представляется, что в случае, если несовершенства законодательства в этой части не будут устранены, эффективность защиты прав лиц-участников гражданского процесса в рамках вопроса восстановления нарушенного права на разумный срок судопроизводства, будет постепенно снижаться, что, в свою очередь, негативно скажется на механизме судопроизводства в целом.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. — 1993. 25 дек. — № 273.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021). — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 № 68-ФЗ (в ред. от 19.12.2016). — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Электронное правосудие. Электронный ресурс. — Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20200714190742/https://kad.arbitr.ru/>
5. Ржаксенский С. И. О понятии разумного срока в гражданском судопроизводстве / С. И. Ржаксенский // Пробелы в российском законодательстве. — 2015.
6. Белякова А. В. Процессуальные и разумные сроки в системе процессуальных гарантий в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Адвокат. — 2014. — № 6.

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Ретроспективный анализ лицензирования деятельности арбитражных управляющих в России

Палкин Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий (г. Гатчина, Ленинградская обл.)

В статье рассмотрен институт лицензирования деятельности арбитражных управляющих, действовавший как механизм обеспечения профессиональных стандартов работы с 1998 по 2002 годы. Раскрыто в хронологическом порядке законодательство, регулировавшее порядок выдачи, приостановления, отзыва и аннулирования лицензий арбитражных управляющих, а также деятельность лицензирующих органов. Исследован ряд проблем, возникших в ходе обязательного лицензирования деятельности арбитражных управляющих.

Ключевые слова: банкротство (несостоятельность), арбитражный управляющий, лицензия, лицензирование деятельности, арбитражный суд.

Появление в законодательстве Российской Федерации такого субъекта конкурсных отношений, как арбитражный управляющий произошло в 1992 году с принятием Закона РФ от 19 ноября 1992 года № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [1]. Законодательное закрепление обязанности арбитражных управляющих иметь лицензию для осуществления своих прав и обязанностей имело место только спустя 5 лет и 1,5 месяца с принятием нового Федерального закона от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2].

Правовое регулирование определения порядка и условий выдачи лицензий состоялось ещё позднее, 25 декабря 1998 года, с момента утверждения Положения о лицензировании деятельности физических лиц в качестве арбитражных управляющих Постановлением Правительства РФ от 25.12.1998 № 1544 «О лицензировании деятельности физических лиц в качестве арбитражных управляющих» [5]. Полномочия по лицензированию тогда возлагались на Федеральную службу России по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению (ФСДН). Вслед за этим ФСДН издала Приказ от 05.01.1999 № 1 «Об утверждении формы лицензии арбитражного управляющего» [11]. Данная лицензия принималась в качестве документа, свидетельствующего о сдаче соискателем лицензии экзамена по программе обучения антикризисных управляющих до 1 марта 2000 года, а ФСДН была упразднена 28 февраля 1999 года Распоряжением ФСДН от 03.02.1999 № 7-р [12]. ФСДН была заменена Федеральной службой России по финансовому оздоровлению и банкротству (ФСФО) Постановлением Правительства РФ от 04.04.2000 № 301 [6]. ФСФО выдавала, аннулировала и отзывала лицензии арбитражных управляющих, приостанавливала дей-

ствие лицензий, осуществляла контроль за деятельностью арбитражных управляющих. Затем ФСФО издала Распоряжение от 09.02.2001 № 37-р «О Порядке приема и рассмотрения документов соискателей лицензии арбитражного управляющего» [13]; Распоряжение от 15.02.2001 № 47-р «Об утверждении Положения о порядке проведения экзамена по Типовым программам подготовки специалистов по антикризисному управлению первого и второго уровней» [14]; Распоряжение от 15.02.2001 № 48-р «О Требованиях, предъявляемых к физическим лицам, осуществляющим деятельность в качестве арбитражных управляющих» [15]; Распоряжение от 07.05.2001 № 129-р «О повышении качества подготовки специалистов по антикризисному управлению» [16]. ФЗ от 13.03.2002 № 28-ФЗ [4] дополнил пункт 1 статьи 17 ФЗ от 08.08.2001 № 128-ФЗ [3], то есть в перечень видов деятельности, на осуществление которых требуются лицензия, была включена деятельность арбитражных управляющих. Однако ФЗ от 13.03.2002 № 28-ФЗ установил, что «лицензирование деятельности арбитражных управляющих прекращается с 1 июля 2002 года» [4]. С принятием Постановления Правительства РФ от 28.05.2003 № 308 «лицам, успешно сдавшим теоретический экзамен по единой программе подготовки арбитражного управляющего, выдается свидетельство установленного Министерством юстиции Российской Федерации образца» [7]. Форма свидетельства о сдаче теоретического экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих была установлена Приказом Минюста РФ от 06.08.2003 № 189 [9]. С 2005 года по настоящее время в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 11.02.2005 № 71 [8] организация, подготовка теоретического экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих и выдача свидетельств осуществляется

Федеральной регистрационной службой (Росреестром). Действующая в настоящее время форма свидетельства установлена Приказом Росреестра от 16.04.2009 №6 [10].

Борисов А. Н., комментируя ст. 2 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», указывает, что отмена лицензирования арбитражных управляющих и установление для них обязанности состоять в саморегулируемой организации арбитражных управляющих являются «примером проявления конституционного принципа соразмерности в правовом регулировании экономической деятельности; создание саморегулируемых организаций арбитражных управляющих практически одновременно с отказом от лицензирования деятельности арбитражных управляющих означает, что государство переложило на эти организации часть своих публично-правовых функций» [19].

Телюкина М. В. выделяет следующие проблемы в лицензировании арбитражных управляющих:

1) Законодательством не были установлены последствия приостановления лицензии арбитражного управляющего. Поэтому управляющие продолжали заниматься деятельностью и могли быть назначены на новое дело, несмотря на аннулированную лицензию;

2) ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и Постановление Правительства РФ «О лицензировании деятельности физических лиц в качестве арбитражных управляющих» не предусматривали конкретную подсудность в случае подачи заявления об аннулировании лицензии;

3) Присутствовали коллизии между ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: Первый предусматривал право аннулирования лицензии арбитражного управляющему только судом, а не самим лицензирующим органом. Однако ФЗ О банкротстве наделил лицензирующий орган не только правом лицензирования управляющих, но и правом отзыва лицензий. Кроме того Постановление Правительства РФ «О лицензировании деятельности физических лиц в качестве арбитражных управляющих» содержало как право лицензирующего органа аннулировать лицензии, так и право их отзывать, если арбитражный управляющий по каким-либо причинам не исполнял свои обязанности или исполнял ненадлежащим образом и если такое поведение причинило должнику или кредиторам убытки.

Единого выхода из этой ситуации не существовало, или применялся исключительно специальный закон о лицензировании, так как банкротные нормы не соответствовали ему. И поэтому отзыв и аннулирование лицензии — понятия равнозначные, значит, отозвать лицензию у арбитражного управляющего можно только в судебном порядке. Или исходя из положений ч.1 п.2 ст. 19 ФЗ О банкротстве (в ред. 12.03.2001), считали, что данный закон устанавливал особые правила лицензирования, отличающиеся от тех, которые предусмотрены другими федеральными законами и иными правовыми

актами. Данная точка зрения является рациональной и убедительной, по мнению Телюкиной М. В.

4) Значительной проблемой являлся правовой пробел, который заключался в том, что законодательством не были установлены либо право, либо обязанность арбитражного суда отстранить от участия в деле о банкротстве арбитражного управляющего в случае отзыва у него лицензии. Поэтому в результате отсутствия единообразного толкования нормы ч.2 п.2 ст. 19 ФЗ «О банкротстве» арбитражные суды, как правило, не отстраняли арбитражных управляющих. Таким образом, складывалась неоднозначная ситуация: с одной стороны у арбитражного управляющего отозвана лицензия за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей в одном деле, а с другой стороны, если суд его не отстранил от участия в деле, значит, управляющий мог продолжать исполнять свои обязанности в другом деле. На практике такая ситуация могла решаться подачей кредитора заявления в арбитражный суд об отстранении арбитражного управляющего от участия в деле на основании отсутствия у него лицензии, то есть несоответствия требованиям, предъявляемым к кандидатуре арбитражного управляющего. Но, как правило, суды вставали на сторону управляющего и отказывали в удовлетворении такого требования кредитора, а такое решение не обжаловалось.

Если управляющего не отстранили по каким-либо причинам, то он продолжал свою деятельность, к которой относилось совершение сделок за должника. В такой ситуации все сделки, совершенные арбитражным управляющим, могли быть признаны недействительными по заявлению самого должника в лице руководителя, учредителей или государственного органа по делам о банкротстве, отозвавшем лицензию [20].

Шипицина О. В. выделяет следующую проблему: «совмещение функций лицензирования и контроля за деятельностью арбитражных управляющих ФСФО привело к появлению случаев давления на арбитражных управляющих, должников и отдельных кредиторов» [21].

Белых В. С. и Дубинчин А. А. считали, что люди, имевшие лицензию арбитражного управляющего могли быть аффилированными с влиятельными предпринимателями с целью преследования каждым своих личных интересов. Так как управляющие имели огромные полномочия над должником. Поэтому были не исключены недобросовестные действия со стороны арбитражных управляющих, которые совершенно противоположны целям института банкротства [17].

Таким образом, лицензирование как форма государственного регулирования деятельности арбитражных управляющих и механизм обеспечения стандартов профессиональной деятельности привело к нагрузке на исполнительную и судебную власть: на специальные федеральные органы, осуществляющие лицензирование арбитражных управляющих и арбитражные суды. Лицензирование арбитражных управляющих являлось переходным периодом к более совершенному регулиро-

ванию их деятельности — создание саморегулируемых организаций.

Были проблемы как в законодательстве, так и в правоприменительной практике: коллизии между ФЗ О банкротстве и ФЗ О лицензировании отдельных видов деятельности, между понятиями отзыв и аннулирование лицензии; отсутствовали законодательно закрепленные правовые последствия приостановления и аннулирования лицензии арбитражного управляющего; злоупотре-

ребление арбитражным управляющим своим исключительным лицензируемым положением.

Нельзя не согласиться с мнением Провоторовой Е., что несмотря на то, что «существовавшая система лицензирования не особенно способствовала соблюдению цивилизованных правил игры и отнюдь не гарантировала беспристрастность будущих управляющих, она выполняла роль своеобразного барьера, отсекавшего профнепригодных кандидатов» [18].

Литература:

1. Закон РФ от 19 ноября 1992 года № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (Утратил силу с 1 марта 1998 года (Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ);
2. Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ (с изм. от 12.03.2001) «О несостоятельности (банкротстве)» (Утратил силу со дня вступления в силу Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ);
3. Федеральный закон от 08.08.2001 № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 08.08.2001) (Документ утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ);
4. Федеральный закон от 13.03.2002 № 28-ФЗ (ред. от 02.07.2005) «О внесении дополнений в Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» (Документ утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ);
5. Постановление Правительства РФ от 25.12.1998 № 1544 «О лицензировании деятельности физических лиц в качестве арбитражных управляющих» (Утратил силу в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 23.12.2002 № 918);
6. Постановление Правительства РФ от 04.04.2000 № 301 «Об утверждении Положения о Федеральной службе России по финансовому оздоровлению и банкротству» (Утратил силу в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 30.09.2004 № 506);
7. Постановление Правительства РФ от 28.05.2003 № 308 «Об утверждении Правил проведения и сдачи теоретического экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих»;
8. Постановление Правительства РФ от 11.02.2005 № 71 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 308»;
9. Приказ Минюста РФ от 06.08.2003 № 189 (ред. от 08.09.2003) «Об утверждении Порядка работы комиссий по организации теоретического экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих» (Утратил силу в связи с изданием Приказа Минюста РФ от 13.04.2005 № 41);
10. Приказ Росреестра от 16.04.2009 № 6 (ред. от 07.04.2020) «Об утверждении образца свидетельства о сдаче теоретического экзамена по единой программе подготовки арбитражных управляющих» (Зарегистрировано в Минюсте России 11.06.2009 № 14074);
11. Приказ ФСДН РФ от 05.01.1999 № 1 «Об утверждении формы лицензии арбитражного управляющего» (Фактически утратил силу в связи с прекращением с 1 июля 2002 года лицензирования деятельности арбитражных управляющих (пункт 4 статьи 18 Федерального закона от 08.08.2001 № 128-ФЗ));
12. Распоряжение ФСДН РФ от 03.02.1999 № 7-р «О лицензировании специалистов по антикризисному управлению» (Утратил силу в связи с изданием распоряжения ФСФО РФ от 17.05.2001 № 145-р);
13. Распоряжение ФСФО РФ от 09.02.2001 № 37-р «О Порядке приема и рассмотрения документов соискателей лицензии арбитражного управляющего» (Утратил силу в связи с изданием распоряжения ФСФО РФ от 31.07.2002 № 139-р);
14. Распоряжение ФСФО РФ от 15.02.2001 № 47-р (ред. от 02.04.2001) «Об утверждении Положения о порядке проведения экзамена по Типовым программам подготовки специалистов по антикризисному управлению первого и второго уровней» (Утратил силу в связи с изданием распоряжения ФСФО РФ от 05.11.2001 № 337-р);
15. Распоряжение ФСФО РФ от 15.02.2001 № 48-р «О Требованиях, предъявляемых к физическим лицам, осуществляющим деятельность в качестве арбитражных управляющих» (Утратил силу в связи с изданием распоряжения ФСФО РФ от 07.05.2001 № 130-р);
16. Распоряжение ФСФО РФ от 07.05.2001 № 129-р «О повышении качества подготовки специалистов по антикризисному управлению» (Утратил силу в связи с изданием Приказа ФСФО РФ от 22.11.2002 № 357);
17. Белых В. С. Реформа законодательства о банкротстве: три года спустя / В. С. Белых, А. А. Дубинчин // Российский юридический журнал. — 2001. — № 1 (29). — С. 30–38. С.34,35;
18. Провоторова Е. Продукт общественного согласия планируется сделать из Закона «О банкротстве» // Российская торговля. 2002. № 4 (10). С.35;

19. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 4 мая 2011 г. №99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2018. 268 с.;
20. Телюкина М. В. Лицензирование деятельности арбитражного управляющего //Право и экономика. — 2001. — №. 4. — С. 25–30.;
21. Шипицина О. В. Административно-правовые проблемы функционирования института несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14 / Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень, 2003. — 27 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Эвтаназия в правовом поле Российской Федерации

Сидоренко Татьяна Ивановна, выпускник

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета

В российском обществе существует неоднозначное отношение к эвтаназии. Кто-то философски рассуждает о возможности решения человеческой судьбы высшими силами, а кто-то рационально высказывает мысли о прекращении страданий пациента и считает, что эвтаназия — это выход. Причем выход, как и из ситуации, с предполагаемым концом, так и в прямом смысле выход человека из жизни. Чье мнение гуманнее с нравственной точки зрения, и что гласит закон Российской Федерации на сей счет?

В происхождении слова «эвтаназия» уже заложен тот смысл, который буквально объясняет исход решающей манипуляции. В переводе с греческого *eu* — хорошо, *thanatos* — смерть, соответственно, «эвтаназию» можно объяснить «благой или хорошей смертью». Английский философ Френсис Бекон дал свое определение данному термину — «легкая, безболезненная смерть». Исходя из вышесказанного, можно сказать, что эвтаназия — это практика прекращения жизни человека, страдающего неизлечимым заболеванием и испытывающего вследствие этого заболевания невыносимые страдания.

Человек, имеющий хроническое, неизлечимое, прогрессирующее заболевание испытывает сильнейший стресс, причем многие пациенты находятся в настоящей депрессии, от осознания безвыходного положения и неутешительного прогноза заболевания. Находясь в тяжелом психологическом статусе, пациенты проходят все пять стадий горя, морально прожив их, начиная от неприятия, заканчивая принятием. Но пока наступит стадия «принятия» — мысли у неизлечимо больных могут быть разными. Приходят мысли и о самоубийстве, ведь тяжело не только морально, но и физически — чаще всего

пациентов мучают интенсивные боли, которые купировать возможно лишь наркотическими препаратами. Самоубийство — радикальная мера, решиться на нее невероятно сложно, а религиозным людям вдвойне, ведь по канонам любой религии — это тяжкий грех. Находясь на лечении в специальном учреждении, вряд ли будет возможность совершить задуманное. Впрочем, как и дома, находясь под наблюдением членов семьи. И многие задумываются о смертельной таблетке или инъекции, которая облегчит страдания в один миг. Быстро и безболезненно. Но кто же из медицинского персонала больницы мог бы совершить смертельную манипуляцию?

Статья 45 Федерального Закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ звучит так: «Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента» [1]. То есть, запрещается не только «давать смертельную таблетку», но и, к примеру, преднамеренно отключать пациента от аппарата искусственной вентиляции легких. Российское законодательство определяет жизнь человека высшей социальной ценностью, охраняемой законом. Ни один медицинский работник, вне зависимости от статуса и должности, не имеет права производить эвтаназию — так гласит закон.

Обратившись к клятве российского врача, закрепленной в статье 71 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ мы увидим слова «..клянусь.. проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии» [1]. Более того, существует уголовная ответственность за халатность по отношению к пациенту (ст. 293 УК РФ) и за причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ). Несмотря на то, что «халатность» и «причинение смерти по неосторожности» отношения к эвтаназии не имеют, статьи уголовного кодекса Российской Федерации по вышесказанным деяниям существуют, что подтверждает один из главных постулатов законодательства о том, что жизнь человека — это высшая социальная ценность. И если учесть, что причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ст. 109 УК РФ) предусматривает наказание

в виде ограничения свободы на срок до трех лет, либо лишения права занимать определенные должности на тот же срок, то надо полагать, что эвтаназия, которая вполне может быть квалифицирована, как причинение смерти умышленно, будет предусматривать более суровое наказание. Но в уголовном кодексе нет специальной статьи «эвтаназия», соответственно, и квалифицировать данное деяние и определить наказание за него сложно.

Если взять во внимание тот факт, что эвтаназия — это причинение смерти не по неосторожности, а намеренно, то вполне допустимо применить к медицинскому работнику статью 105 УК РФ, где наказанием является лишение свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Но можно ли квалифицировать эвтаназию, как намеренное убийство? Ведь эвтаназия совершается с благой целью, в отличие от убийства. В УК РФ существует статья 61, в которой перечислены обстоятельства, смягчающие наказание. Пункт «д» ч.1 ст. 61 УК РФ относит к таким обстоятельствам следующее: «совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания» [2]. По мотиву сострадания — это об эвтаназии. Соответственно, за совершение эвтаназии наказанием послужит статья 105 УК РФ, с возможным применением п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ, исходя из которой мотив сострадания может быть учтен.

Что же предлагает российское законодательство пациентам, с хроническим, неизлечимым, прогрессирующим заболеванием? Одним из видов медицинской помощи является паллиативная помощь. Паллиативная помощь представляет собой комплекс мероприятий, включающих медицинские вмешательства, мероприятия психологического характера и уход, осуществляемые в целях улучшения качества жизни неизлечимо больных граждан и направленные на облегчение боли, других тяжелых проявлений заболевания [1]. Суть паллиативной помощи — облегчить страдания пациента, как физические, так и психологические. С физической болью паллиативная помощь справляется следующим образом: «при оказании паллиативной медицинской помощи по медицинским показаниям назначение обезболивающих лекарственных препаратов, в том

числе наркотических и психотропных лекарственных препаратов, включенных в списки II и III Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [3]. С моральными страданиями, в соответствии с тем же приказом МЗ РФ, призваны справляться мероприятия психологического характера — предполагаются консультации психологов, социальных работников, максимально аккуратное в психологическом плане взаимодействие медицинских работников с пациентом и его семьей.

Основным аргументом сторонников активной эвтаназии является право человека на самоопределение, вплоть до того, чтобы самому распорядиться собственной жизнью. Никто не вправе заставлять безнадежных больных испытывать жестокие мучения, о том, что растительное существование и боль лишают человека достоинства, о том, что сами больные, стремясь положить конец своим страданиям, зачастую прибегают к куда более ужасным способам самоубийства, чем безболезненная инъекция [4].

Утверждения-требования противников эвтаназии проблематизируют саму эвтаназию, отрицая возможность ее осуществления. Активным субъектом проблематизации эвтаназии выступает хосписное движение. При этом паллиативная помощь постулируется как ответ на эвтаназию, альтернативный и единственно возможный выход в ситуации терминального заболевания. Сторонниками же эвтаназии скорее депроблематизируется, то есть подчеркивается ее «нормальность» и приемлемость как для человека, так и для общества. Проблематичным здесь является непринятие эвтаназии со стороны общества, отказ от ее законодательного регулирования [5].

Мнения об эвтаназии различны, и, как мне кажется, общее мнение вряд ли будет сформировано. Возможно, законодательство несовершенно, ведь, как говорилось выше, в уголовном кодексе нет отдельной статьи про эвтаназию. Статья 7 Конституции РФ гласит о политике государства, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека. Но нет закрепленного права человека на достойный уход. Может ли эвтаназия его обеспечить? Вопрос, скорее, философский.

Литература:

1. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция) 21 ноября 2011 года N 323-ФЗ
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022)
3. Приказ Министерства здравоохранения РФ и Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 мая 2019 г. № 345н/372н «Об утверждении Положения об организации оказания паллиативной медицинской помощи, включая порядок взаимодействия медицинских организаций, организаций социального обслуживания и общественных объединений, иных некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере охраны здоровья»
4. Андреева, А. А. Проблема эвтаназии в современном обществе / А. А. Андреева, В. В. Приходько. — Текст: непосредственный // Бюллетень медицинских интернет-конференций. — 2012. — № 11. — С. 861–863.
5. Богомякова, Е. С. Эвтаназия как социальная проблема: стратегии проблематизации и депроблематизации / Е. С. Богомякова. — Текст: непосредственный // Журнал исследований социальной политики. — 2010. — № 1. — С. 33–52.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

International legal agreements as a way to attract foreign capital

Galimov Ildus Ismagilovich, master's student
Kazan (Volga Region) Federal University

This article discusses the role of international legal treaties in international investment activity. Within the framework of the article, we are talking about the beginning of the emergence of international legal regulation of investment activity and the concluded agreements regulating this sphere. Article notes the role of each agreement, which provides a legal guarantee for the protection of investment capital.

Keywords: *foreign investments, bilateral investment agreements, multilateral investment agreements, international investment law, international legal agreements in the field of investments.*

The growth of the interdependence of states, which characterizes the post-war development of the world community, went through three stages. The first of them, occurring in the 50s and 60s, was characterized by the development of trade and the destruction of protectionism, which was associated with the creation and intensification of the General Agreement on Trade and Tariffs (GATT). In the 70s, the world community faced three financial crises, as a result of which the next stage of strengthening the interdependence of states began, the distinctive feature of which was financial integration. Its growth was associated with the processes of deregulation and privatization, which were actively taking place in the UK and the USA in the 80s. The modern stage, which began in the 90s, is characterized by the globalization of world processes, a new wave of direct and portfolio investments. The need to develop and adopt special legislative acts regulating foreign investment is dictated by the interest of the State receiving foreign investment. The adoption of a special act may be based on the desire of the legislator to regulate economic relations in the country and, above all, foreign economic relations. Regardless of the differences in the conceptual approach to solving the problem of regulating foreign investment, one common and characteristic principle remains for the legislation of any country in this area of relations: the regulation of foreign investment is the regulation of entrepreneurial activity carried out in the conditions of a foreign state. The vulnerability of a foreign investor operating in a foreign country is due to his subordination to the jurisdiction of the State receiving the investment. The publication of norms regulating foreign investments is necessary so that a foreign investor can calculate in advance the possible losses that may arise as a result of the adoption of certain measures by the authorities of the state receiving foreign investments. And correlating with the opportunities to profit from activities in the same state, make an informed decision about the

prospects and a reasonable share of the risk of investing capital in the economy of a particular state.

Any investor who has plans to carry out investment activities in a foreign country should be sure that his investments will high-quality legal protection. International investment relations are regulated by multilateral, bilateral and regional international treaties. The main purpose of which was to ensure the freedom of capital movement within the global system and the inflow of foreign investment to developing countries, as well as to ensure the protection of investments, primarily from political risks.

One of the most important economic tasks of the state is to attract foreign investment. To solve it, it is necessary to develop and improve the national legislation of the country, and to expand international legal mechanisms. The most important part of which are international treaties between states and aimed at protecting investor rights. The legal basis for the domestic investment legislation of the country is the international legal agreements described above. Moreover, this process doesn't take place by removing relevant internal principles and norms from the current national legislation and replacing them with international legal contractual norms. This process take place by harmonizing joint legal regulation in the course of providing legal guarantees for foreign investments. In modern practice, the role of an international treaty, which is the source of international law, is increasing. The active involvement of countries in the international investment process leads to closer interaction of national and international law. And the development of their legal system and national investment legislation will be the fruit of their joint work. The close interaction of national and international law, as well as the absence of ambivalent interpretation, is one of the factors that shows the favorability of the country's investment regime.

Domestic forms and methods of regulating foreign investments are not always sufficient. Therefore, the most important element of this system is an international treaty.

Currently, this method seems to be very important, since, unlike domestic acts, an international treaty covers at least two subjects of international law.

The Washington Convention of 1965 on the Procedure for Resolving Investment Disputes can be attributed to general international treaties in the field of investment. This Convention created a special body — the International Center for Settlement of Investment Disputes. Prior to the adoption of the convention, in the event of an investment dispute, it would have been sent to the national court of the State. The emergence of the method of international settlement of investment disputes, of course, became an important guarantee of the rights of foreign investors, as it provided them with an independent and impartial consideration of disputes between the state and a private investor. The Convention provides for the settlement of investment disputes between Contracting States and persons of other Contracting States through conciliation and arbitration. The conciliation procedure is not mandatory; in contrast, the arbitration award becomes binding on the parties and cannot be appealed. The jurisdiction of the Center for Settlement of Investment Disputes can be based only on a written agreement between the investor and the State receiving the investment, or on the provisions of bilateral agreements on the promotion and mutual protection of investments.

Another multilateral international treaty in the field of investment relations is the Seoul Convention of 1985 on the Establishment of a Multilateral Investment Guarantee Agency (entered into force in April 1988). This document established the Multilateral Investment Guarantee Agency (MIGA), which has the status of a legal entity and is a branch of the International Bank for Reconstruction and Development.

The category of international treaties regulating international investment relations includes the GATT/WTO Agreements, agreements underlying the creation of regional economic unions of states (the European Union, NAFTA, the South American Common Market), the Energy Charter Treaty. Documents developed by international economic organizations have a great impact on the formation of substantive norms of private international law.

In 1947, the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) an agreement in the field of international trade was adopted. For the first time in the history of international relations, the GATT regulated multilateral rules in the field of international trade. The GATT existed until the entry into force of the charter of another international institution — the World Trade Organization (WTO), i. e. until January 1, 1995, after which it became an integral and important part of the WTO legal system.

Before the creation of the WTO in 1995, the GATT system included 125 states, which accounted for about 90% of world trade turnover. Of the major countries, only Russia, which joined in 2012, and China were outside its framework. Today, 153 states are members of the WTO. The WTO's activities are based on numerous international trade agreements, of which the basic ones are the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT), the General Agreement on Trade in Services (GATS),

the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS), the Investment Agreement (TRIMS).

Another international act that plays an important role in regulating investments and is the only one in the energy sector is the Energy Charter Treaty, adopted in Lisbon on December 17, 1994. Fundamentally, many of the rights and obligations provided for in the Treaty are in the nature of «hard law» provisions, the implementation of which is provided for through legally binding arbitration or through dispute resolution procedures similar to those used under the GATT. However, there are also a number of obligations that are in the nature of «aspirations» or obligations from among the so-called soft law.

According to Yu. S. Selivanova, the Agreement provides foreign investors with a number of fundamental rights in relation to their investments in the host country. Foreign investors are protected from the most serious political risks, such as discrimination, expropriation and nationalization, violation of certain investment agreements, damage as a result of war or similar events, unreasonable restrictions on the transfer of funds. The provisions of the Dispute Settlement Agreement, which cover both interstate arbitration and dispute resolution between the investor and the State, enshrine these rights of investors. Also, a special place among the international treaties concluded between States is occupied by bilateral agreements on the promotion and mutual protection of investments or bilateral investment agreements.

Historically, in the 1960s, bilateral investment protection agreements were given the role of a declaration by a contracting State of its readiness to accept investments from another contracting State on the basis of the most favorable treatment for the investor. Then, with the development of international economic cooperation, no less importance was given to bilateral agreements on the promotion and mutual protection of investments.

According to N. G. Doronina and N. G. Semilutina, currently bilateral agreements on the promotion and protection of foreign investments are given the importance of a kind of general agreement of the recipient State of investments with investors of the contracting State on the conditions for investment. Since agreements always contain a condition according to which it is possible to use various dispute resolution mechanisms, they have come to be regarded as a pre-received consent of the State party to the dispute to submit to the arbitration decision specified in the agreement. Considering them as a general agreement with investors of a contracting State on the terms of investment, some authors began to attach to these international agreements the significance of a special kind of contracts having the nature of concession agreements and containing the so-called arbitration clause.

In many States, and above all in the investor States (in the States of origin of investments), the basis of actually concluded bilateral investment agreements is a model agreement on the promotion and mutual protection of investments approved by the executive authorities of the State. Model agreements

of the USA, Germany and other countries, as a rule, reflect the state policy of the states participating in the treaty. The regulations approving the model agreement are periodically

reviewed and brought into line with the changing conditions of international cooperation. Thus, international legal treaties play an important role in investment activities.

References:

1. Doronina N. G., Semilyutina N. G., Legal regulation of foreign investments in Russia and abroad. — Moscow: Finstatinform, 1993. — 128 p. (In Russian)
2. Boguslavsky M. M., Foreign investments: legal regulation. Moscow: Publishing House BEC, 1996. — 462 p. (In Russian)
3. Selivanova, Yu. S. Regulation of energy by the rules of the World Trade Organization and the Energy Charter Treaty: Opportunities for Russia / Yu. S. Selivanova // WTO Law. — 2012. — No. 2. — pp. 16–23. (In Russian)
4. Mironova I. V., International agreements in the field of investment relations with the participation of the Russian Federation. Bulletin of the Baltic Federal University. Kant. 2015. Issue 3, pp. 131–139. (In Russian)
5. Danelyan, A. A. International legal regime of foreign investments: specialty 12.00.10 «International law; European law»: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law / Danelyan Andrey Andreevich. — Moscow, 2016. — 22 p. (In Russian)
6. Danelyan. A. A., Farkhutdinov I. Z., International investment Arbitration: Textbook. — M.; St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 2013. — 356 p. (In Russian)

Практика применения «права ВТО» в некоторых государствах — членах ВТО

Карсаев Константин Игоревич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются различные подходы к имплементации правовых норм ВТО в национальную правовую систему.

Ключевые слова: национальное законодательство, учреждение ВТО, член ВТО, международная торговля, прямой эффект.

Последствиями Второй мировой войны стал значительный регресс мировой экономики. В это время Соединенные Штаты Америки, став главным бенефициаром обеих мировых войн, разработали «План Маршалла». В соответствии с этим планом, в разоренную в военное время Европу были вложены денежные средства для того, чтобы она стала экономической площадкой для сбыта американских товаров. Способом понижения высокого уровня торговых пошлин в европейских государствах стало принятие Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) [2].

Впоследствии данное соглашение должно было стать составной частью универсального правового регулирования в рамках новообразованной Международной торговой организации (МТО). США отказались подписывать Устав МТО, который на тот момент подписали более чем 50 государства, и все процедуры, связанные с созданием международной организации и ратификацией её устава были прекращены.

Лишь спустя почти 50 лет, во время Уругвайского раунда переговоров, государства разработали переход от системы ГАТТ к системе ВТО. Главным отличием системы ГАТТ-47 от системы ВТО является обязанность государств — членов ВТО привести национальное законодательство во всеобъемлющее соответствие с совокуп-

ностью соглашений ВТО, куда входил вновь принятое соглашение ГАТТ-94. Данный факт дал почву для неоднозначного вопроса о «прямом эффекте» Соглашений ВТО. Эта коллизия не урегулирована Соглашением об учреждении ВТО, которое гласит об обязательности соглашений для членов ВТО, но вопрос «прямого эффекта» Соглашения на национальные правовые системы государств — членов никаким образом не отражён в документе.

На текущий момент, большая часть членов ВТО не принимают позицию о «прямом эффекте» норм права ВТО. Такой позиции придерживаются ЮАР, Индия, Япония, ЕС и США.

Хорошим примером позиции ЕС по данной проблеме служит решение Суда ЕС по делу Portugal vs Council. В указанном деле Суд основывает свою позицию на вводной части решения 94/800/ЕС Совета ЕС от 22 декабря 1994 г. о заключении соглашений, достигнутых в ходе Уругвайского раунда переговоров [3], в соответствии с которым, Соглашение об учреждении ВТО и его Приложения, ни при каких обстоятельствах не могут быть применены без соответствующей имплементации, как в рамках интеграционного объединения, так и в национальных судах стран — членов ЕС.

При анализе правовой системы Индии, четко выражена позиция законодателя о том, что национальные

суды не имеют компетенции для решения вопроса о противоречии внутреннего законодательства праву ВТО, так как это предусмотрено Конституцией Индии. Данная норма нашла свое отражение в Мадрасского высокого суда в процессе судебного разбирательства *Novartis v. Union of India* в Мадрасском высоком суде. В качестве предмета спора выступал вопрос о том, отвечают ли положения ст. 3 (д) Закона Индии о патентах требованиям положений Соглашения ТРИПС, в сложившейся ситуации суд вынес решение в пользу рассмотрения этого вопроса под эгидой ОРС ВТО.

Говоря о позиции США в данном вопросе, на основании истории американской судебной системы, сформировалась определенная практика принятия судами позиции о прямом эффекте международных соглашений на национальное законодательство. Несмотря на историческую подоплёку, Соединенные Штаты подписали Соглашение об учреждении ВТО с определенными ограничениями. Так, в акт имплементации были внесены нормы, которые не предусматривали «прямого эффекта» Соглашений ВТО на национальное законодательство.

Литература:

1. Ружин А. Н. Региональные торговые соглашения в системе ГАТТ/ВТО: роль принципов международного экономического права // А. Н. Ружин // Журнал *Legal Concept*, 2013 — № 1 (18), с. 88–92
2. Генеральное Соглашение по тарифам и торговле от 30 октября 1947 года. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272897051/%D0%93%D0%90%D0%A2%D0%A2-47%20\(rus\).pdf](https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272897051/%D0%93%D0%90%D0%A2%D0%A2-47%20(rus).pdf) (дата обращения: 27.03.2022).
3. Решение 94/800/ЕС Совета ЕС от 22 декабря 1994 г. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AJOL_1994_336_R_0001_003&qid=1648689392356 (дата обращения: 27.03.2022).
4. История создания ВТО. URL: <http://www.wto.ru/что.asp?f=history&t=8> (дата обращения: 27.03.2022).
5. Ахмадеев М. Г. О мерах по обеспечению конкурентоспособности сельского хозяйства в условиях присоединения России к ВТО // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2014. № 4 (32). С. 103–108.

Проблематика соотношения права ВТО и права ЕАЭС

Карсаев Константин Игоревич, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В данной статье рассматриваются история вступления стран-членов ЕАЭС в ВТО и способы решения проблемы соотношения двух правовых систем.

Ключевые слова: *Всемирная торговая организация, Евразийский экономический союз, правовая система, ГАТТ-1994.*

Мы живем в век, когда даже самая налаженная система может дать сбой, доподлинной причиной которого может служить множество факторов, основным из которых являются коллизии между двумя сторонами. Для урегулирования подобных конфликтов в юридической практике присутствуют незначительное количество весьма весомых общепринятых правил, но ни одно из них не может поставить решающую точку в стыке интересов двух разных и абсолютно не связанных друг с другом иерархической подчиненностью правовых ре-

Некоторые западные юристы отмечают, что одобрение Соглашений ВТО Конгрессом США было возможно только в том случае, когда «противоречащие законодательству США положения не будут иметь прямого эффекта».

Право ВТО прошло путь к преобразованию в систему норм и принципов, которые полностью регулируют комплекс общественных отношений, предметом которых является международный торговый оборот, хотя, среди большого числа государств присутствуют скептическое отношение к «прямому эффекту» Соглашений ВТО.

Таким образом, в этой статье можно сделать вывод, что дальнейший генезис права ВТО как эффективного способа регламентации международной торговли дает основу для того, чтобы определить разносторонний комплекс положений, регулирующих различные сферы международной торговли. В данном вопросе это достаточно важный аспект, поскольку нормы права ВТО имеют различную юридическую силу и содержатся в большом количестве источников, имеющих разное происхождение (пакет соглашений ВТО, решения/резолюции ВТО и его органов и внутренние регламенты органов ВТО).

жимов. Данная проблематика ярко выражена в соотношении ВТО и права ЕАЭС.

Если углубиться в историю, то нам не составит труда вспомнить, что страны ЕАЭС вступали в ВТО далеко не на равных условиях (Россия, Армения, Казахстан), следует так же иметь в виду что на данный момент времени не все государства-члены ЕАЭС вошли в состав членов ВТО. В данной сложившейся ситуации основным выступает необходимость в синхронизации двух важнейших регуляторных комплексов.

Данная тема является актуальной, поскольку Российская Федерация, являясь членом, как ВТО, так и ЕАЭС, имеет обязательства в рамках обеих организаций. Проблематика взаимоотношений двух правовых систем дает почву для дискуссии в вопросах функционирования ЕАЭС и ВТО, а также других проблем, которые будут упомянуты в данной работе.

При более подробном ознакомлении с правом ВТО в рамках таможенного союза, необходимо отметить, что пункт 5 статьи XXIV ГАТТ-1994 по своему содержанию не устанавливает запрета на создание таможенного союза среди государств — членов ВТО, однако предусмотрены определенные условия в отношении способов воздействия на торговлю [2]. Таким условием выступает уровень пошлин и других мер регулирования торговли в отношении третьих государств, он не должны быть более обременительными или завышенными по сравнению с уровнем, который был предусмотрен членом таможенного союза до вступления в него. В случае, когда при вступлении в таможенный союз, государство должно увеличить ставку пошлины, соглашениями ВТО предусмотрена процедура изменения обязательств по праву ВТО путем диалога с другими членами ВТО (статья XXVIII ГАТТ — 1994, статья V ГАТС).

Говоря о практической стороне вопроса взаимодействия норм Соглашения об учреждении ВТО в рамках системы права ЕАЭС, необходимо уделить внимание нескольким конкретным пунктам Договора о функционировании Таможенного Союза. В статье 1.1 предусмотрено положение о том, что интегрированные соглашения ВТО являются составной частью правовой базы ТС, и в статье 1.6. предусмотрено право государств, не ставших членами ВТО, не применять эти соглашения в торговом регулировании, пока право Таможенного Союза в этой части не будет изменено. Это является справедливым балансом сил в рамках ТС для стран, которые не готовы принимать на себя торговые обязательства по меркам ВТО. В данном вопросе важную роль играют положения статьи 2.1, в которой закреплён приоритет норм права ВТО над нормами права ЕАЭС, до того, как нормы права ЕАЭС не будут приведены в соответствие с положениями пакета соглашений в рамках ВТО. На вопрос длительности этого периода Суд ЕАЭС, на данный момент, не дал никакого разъяснения.

Без решения коллизионных проблем относительно параллельного членства в ЕАЭС и ВТО России, Армении и Казахстана, не позволяет евразийской интеграции показывать высокие показатели эффективности.

Поэтому одним из «краеугольных камней» во взаимодействии ЕАЭС и ВТО на текущем этапе развития видится иерархия между правом объединения и правом Всемирной торговой организации [3].

Практика ВТО дает однозначный ответ на вопрос о необходимости соответствия положений правовой системы любого таможенного союза коррелирующим нормам соглашений в рамках ВТО. ВТО не преуспел в создании работоспособного механизма за соблюдением та-

моженными объединениями условий, предусмотренными статьей XXIV ГАТТ — 1994, несмотря на создание специального Комитета по региональным торговым соглашениям. Данный вопрос был рассмотрен в рамках ОРС ВТО в деле «Индия против Европейского Союза и Турции», в котором Апелляционный орган решил избежать вынесения однозначного решения по вопросу соответствия Таможенного союза ЕС и Турции праву ВТО. На основании вышесказанного, единственным способом решения данной проблемы должна стать инициатива со стороны государств.

Не менее важным представляется рассмотреть вопрос сопоставления юрисдикций ВТО и ЕАЭС. Основным аспектом здесь будет выступать возможность рассмотрения одних и тех же споров в Суде ЕАЭС, и в Органе по разрешению споров ВТО. Соперничество двух юрисдикций ярко проявляется в возможности появления одинаковых споров на основании Договора о ЕАЭС либо соглашений ВТО вследствие того, что право ВТО является составной частью правовой базы ЕАЭС.

Большинство российских юристов — международных считают, что вопрос, связанный с возможностью обращения члена ЕАЭС в другие международные учреждения, помимо Суда ЕАЭС, на сегодняшний день является дискуссионным. Решению данного вопроса никак не способствует «правовой вакуум» в отношении «исключительной юрисдикции» Суда ЕАЭС, а также в отношении выбора альтернативных способов рассмотрения споров в иных международных учреждениях. Полезным опытом в данной области может стать изучение опыта Европейского союза, конкретно 344 статьи Договора о Функционировании Европейского Союза.

Подводя итоги, можно сказать, что передача спора, в котором стороной является член ЕАЭС в иные международные суды, в частности в ОРС ВТО, не исключается. В этой ситуации не играет на руку тот факт, что в большинстве случаев государства будут выступать за обращение в ОРС ВТО, поскольку Орган обладает высоким уважением в международном сообществе и уже сложившейся и устойчивой практикой толкования и применения положений норм ВТО.

В заключение статьи хотелось бы отметить, что временное членство, как в ВТО, так и в ЕАЭС, однозначно накладывает определенный оттенок на обязательства государств в рамках торговых отношений и создает некоторые разногласия между двумя системами. На данном этапе рано говорить об устойчивой практике Суда ЕАЭС, и делать однозначные заключения по продуктивности деятельности Суда. Однако у Суда ЕАЭС есть отличный шанс проявить себя в качестве беспристрастного и эффективного органа для решения торговых споров. Изучив ВТО и ЕАЭС в качестве международных организаций, можно сделать вывод о том, что между ними нельзя ставить знак равно, в отдельных аспектах они схожи по отношению друг к другу. Процесс урегулирования взаимоотношений между универсальным и региональным уровнем торгового регулирования во многом зависит

от ВТО, как более авторитетной международной организации. Приоритет в этом вопросе должен отдаваться сотрудничеству с ЕАЭС на горизонтальном уровне, путем использования человеческих ресурсов в лице арбитров

и членов третейских групп для окончательного разрешения вышеизложенных проблем. Это может стать одним из путей консолидации системы правовых норм и гармонизации международного торгового права.

Литература:

1. История создания ВТО. URL: [http://www.wto.ru/ что.asp?f=history&t=8](http://www.wto.ru/что.asp?f=history&t=8) (дата обращения: 28.03.2022).
2. Ружин А. Н. Региональные торговые соглашения в системе ГАТТ/ВТО: роль принципов международного экономического права // А. Н. Ружин // Журнал Legal Concept, 2013 — № 1 (18), с. 88–92
3. Мещерякова Е. В. Стратегия экономического развития России в соответствии с принципами ВТО // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2014. № 3 (35). С. 18–23.
4. Задорина А. М. Международно-правовые меры субсидирования производства промышленных товаров по праву ЕАЭС и праву ВТО в контексте обеспечения экономической безопасности государств — участников ЕАЭС // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 11. С. 13–18.
5. Ахмадеев М. Г. О мерах по обеспечению конкурентоспособности сельского хозяйства в условиях присоединения России к ВТО // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 103–108.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 2 (35) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 05.05.2022. Дата выхода в свет: 10.05.2022.

Формат 60 × 84/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.